

**Научно-исследовательский центр проблем
национальной безопасности**

И.В. Бочарников, С.В. Лемешев, Г.В. Люткене

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЙН
И ПРАКТИКА ВОЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

Москва – 2013

УДК 355
ББК 68
Б86

Б86 Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. – М.: Экон-информ, 2013. – 144 с.
ISBN 978-5-9506-1028-8

Монография «Современные концепции войн и практика военного строительства», подготовленная коллективом авторов (доктором политических наук И.В. Бочарниковым, кандидатом философских наук, доцентом С.В. Лемешевым и кандидатом политических наук Г.В. Люткене) посвящена анализу эволюции и характеристике содержания и особенностей современных представлений о сущности и природе войны как явления политической действительности.

В монографии выявляются современные тенденции и направления развития военно-теоретических взглядов на войну, анализируются основные направления разработки и реализации концепций в области военного планирования и военного строительства.

Выводы и предложения авторов, представленные в издании, могут быть использованы в процессе корректировки и совершенствования концептуально-доктринального планирования в Российской Федерации, а также найти применение в преподавании политологии, философии, социологии, других гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях.

УДК 355
ББК 68

Научное издание

И.В. Бочарников, С.В. Лемешев, Г.В. Люткене

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЙН
И ПРАКТИКА ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Подписано в печать 09.02.2013 г. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,00. Заказ 2213. Тираж 100 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru

ISBN 978-5-9506-1028-8

© Бочарников И.В., Лемешев С.В.,
Люткене Г.В., 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей истории человеческого сообщества война являлась неизменным спутником его эволюции, в процессе которой происходило зарождение государств и цивилизаций, их расцвет и крушение, смена исторических эпох.

В процессе осмысления войн и вооруженных конфликтов, имевших место в истории цивилизации, происходило становление и развитие военно-теоретической мысли, трансформировавшейся, в конечном итоге, в целый ряд научных теорий и концепций. Исследования в военной области обрели научный статус и обеспечили широкие возможности для дальнейшего познания процессов и явлений, связанных с войной, на научно-теоретической основе.

Военная проблематика, понимание войны как общественного явления, ее природы, устранимости и неустранимости, становится важным предметом общественно-политической борьбы. Разные политические партии, организации и движения обращаются к массам со своими трактовками войны, ее природы, поддержкой или критикой позиции правительств, со своими программами избавления исторического процесса от военных затрат и бедствий.

К сожалению, до настоящего времени существуют нерешенные вопросы в отношении природы и сущности войны, а также содержания основных дефиниций, определяющих специфику данного явления применительно к конкретной исторической эпохе, в том числе и к современной политической действительности. Несмотря на весьма глубокую проработку целого ряда теоретических проблем эволюции характера и сущности войны, как явления совре-

менной политической действительности, в недостаточной мере исследованы и систематизированы различные современные военно-теоретические взгляды на применения военной силы. Помимо этого, по мнению авторов, требуют научного исследования вопросы концептуально-доктринального закрепления системы взглядов военно-политического руководства ведущих государств мира, в том числе, Российской Федерации, на современную войну.

При подготовке настоящего издания в качестве главной цели авторы ставили перед собой – уточнение представлений о концепциях войны как средства и формы разрешения социальных противоречий путем вооруженного насилия. Помимо этого чрезвычайно важным авторы считают определение того, какое влияние оказывают современные военно-теоретические взгляды и концепции войны на разработку доктринальных документов Российской Федерации и их реализацию в практике военного строительства. Эти и другие вопросы нашли отражение в данной работе.

Глава 1.

ВОЙНА КАК ЯВЛЕНИЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Начиная с глубокой древности, война, целью которой были нажива и грабеж, как борьба между племенами, народами, являлась постоянным спутником развития человечества. Вполне симптоматично в этом плане заключение У. Черчилля о том, что как показывает история «война это удел человеческой расы»¹. За исключением только кратких и случайных перерывов, – по словам этого не только выдающегося политика XX века, но и авторитетного исследователя природы и сущности войны, – на земле никогда не было мира. Общепризнанной является точка зрения, в соответствии с которой за последние пять с половиной тысячелетий произошло более 14 500 войн.

На протяжении веков и тысячелетий в войнах решались судьбы народов и государств, решалась судьба самой цивилизации. Все это изначально предопределило особую роль знаний о войне и, соответственно, военно-политической мысли как совокупности идей, взглядов, концепций, отражающих динамику (состояние, функции, развитие), сложившихся в данную конкретную историческую эпоху характера и содержания военно-политических отношений.

Сам термин «война» происходит от древнегерманского слова «werra», корни которого можно обнаружить, например, в англий-

---

¹ См.: Черчилль У. Мировой кризис. Перевод с английского. – М. - Л., 1932. – С. 310.

ском слове «war». Корни древнегреческого слова «polemos», также означающего «война», сохранились в словах «полемика», «полемический», «полемист». Латинский его аналог «bellum» отразился в определении «belligerant» (воинственный). В тех или иных формах это слово присутствует во всех мировых языках как прежних эпох, так и современности. Это служит одним из показателей универсальности данного феномена, сопровождавшего все цивилизационное развитие человечества, на протяжении которого шло постоянное его осмысление.

Исследование феномена войны как социально-политического явления предполагает необходимость анализа эволюции взглядов на данное явление в мировой политической практике.

Показательно, что осмысление различных аспектов войны начинается уже в учениях Древнего Востока и Античности. Выдающиеся мыслители прошлых веков, формулируя свое отношение к войне и миру, пытались определить сущность войны как особого социально-политического явления; ее генезис; место и ее роль в формировании государственности; глубинные закономерности и тенденции изменения сущности войны; возможности ее устранения; проблема участия человека в войне и экономическое обеспечение войн и др.

Одни из первых упоминаний о войне содержатся в древневавилонских хрониках XVIII в. до н.э. о деятельности царя Хаммурапи, в догматах брахманизма «Законы Ману» (IV в. до н.э.), в сочинениях древнекитайского военного теоретика и полководца Сунь-цзы (около V в. до н.э.), в философско-политологических трактатах Древнего Рима и Греции, а также в других научных и литературных памятниках Античности.

Примечательно, что исторических сведений о военной деятельности Хаммурапи долгое время было очень мало, больше известны его так называемые «законы» – кодекс нормативно-правовых актов, регламентировавших жизнедеятельность древневавилонского общества.

О личности же самого Хаммурапи и времени его царствования сообщали только гимны, примерно десять небольших надписей на вещественных памятниках и около 50 писем царя к его вассалу (или наместнику)². Между тем, именно военная и дипломатическая деятельность Хаммурапи способствовала не только появлению крупнейшего для того времени государственного образования³, но и созданию условий для разработки и реализации свода достаточно прогрессивных политико-правовых норм – «Законов Хаммурапи»⁴. Многие положения этого древнейшего политико-правового документа вплоть до настоящего времени не утратили своего значения. Поскольку содержание норм данного литературного памятника не является предметом исследования, следует акцентировать внимание то, что разработка и реализация данного документа стали возможны только лишь в условиях обеспечения стабильности и безопасности древнего Вавилона периода Хаммурапи. Достигнуто же это было эффективной военно-политической деятельностью самого Хаммурапи.

В древнеиндийской цивилизации одним из литературных памятников, в которых рассматриваются вопросы войны, являются «Законы Ману» (VI в. до н.э.). В этом документе войну описывается не просто как грубое насилие, а как особые межгосударственные отношения, которые обусловлены общественной необходимостью и регулируются определенными правилами, сообразно военным целям. По сути, здесь уже были заложены основы того, что позже получило название «право войны» – объявление войны, реквизиция собственности врага, содержание военнопленных, условия перемирия и другие принципы, которые в последующем нашли отражение в положениях Гаагского и Женевского права, разработанных только лишь в XX столетии.

---

² См. Ионина Н.А. 100 великих сокровищ. – М., 2006.

³ В результате военных походов Хаммурапи объединил в своих государственных руках большую часть тогдашнего цивилизованного мира, распространил свое влияние почти на всю территорию Месопотамии и Элама, на Ассирию и даже Сирию. См.: Ионина Н.А. Указ. соч.

⁴ См.: Ионина Н.А. Указ. соч.

Большое влияние на восприятие и осмысление явлений и процессов, связанных с войной оказал один из древнейших китайских военных трактатов – «Военная стратегия» Сунь-цзы, больше известная как «Искусство войны». Несмотря на его временную удаленность от реалий сегодняшнего дня, можно смело утверждать, что по глубине рассматриваемых вопросов «Искусство войны» является одним из лучших произведений о войне, не утратившее своего значения вплоть до настоящего времени. О чем свидетельствует, например, тот факт, что многие его положения используются в ходе планирования и проведения военных действий современности. Так, например, в ходе агрессии НАТО в Югославии фактически была воплощена формула Сунь-цзы о достижении победы посредством реализации триединой задачи: «сначала разрушить планы противника, затем расстроить его союзы и, в конечном итоге, – разбить его войско». Лучшая же война, по словам Сунь-цзы – эта, победа в которой достигается без применения силы, путем использования всех других средств заставить противника отказаться от своих политических целей и тем самым сделать его уступчивей, «покорить чужую армию, не сражаясь». Именно подобная форма действий и была реализована на этапе вторжения американских войск в Ирак в 2003 году. Нельзя не отметить и мысль Сунь-цзы относительно того, что «война ценит победу и не уважает продолжительность»⁵. Справедливость этой формулы также была продемонстрирована США в ходе затянувшихся военных кампаний в Ираке и Афганистане.

В целом, в оценке военно-политического трактата Сунь-цзы нельзя не согласиться с мнением отечественного востоковеда Н. Конрада о том, что по своей сути «Искусство войны» представляет собой сплав философии, искусства и науки ведения войны⁶. Именно здесь, очевидно впервые нашли отражение основополагающие принципы обеспечения безопасности государства посредством эффективного использования военной силы.

---

⁵ См.: Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: Воениздат, 1955. – С. 40.

⁶ См.: Сунь-цзы. Искусство войны // <http://chugreev.ru/st-sun-czi.html>

Стремление раскрыть природу войны было свойственно также и мыслителям Античной Греции. Проблемам исследования войн и вооруженных конфликтов в частности были посвящены труды Геродота, Страбона, Фукидида и других древнегреческих историков и философов.

Особого внимания в этом плане заслуживает позиция Фукидида (V–IV вв. до н.э.), отмечавшего тесную связь войны с состоянием жизни народов и государственными деяниями⁷. Будучи сам участником Пелопонесской войны, Фукидид в течение многих лет находился в центре тех исторических событий. При этом в своей самой знаменитой книге – «Истории», посвященной событиям той войны – Фукидид исследует политические мотивы, приведшие к ней, описывает имевшие место в этот период социально-политические процессы, в том числе, государственные перевороты и другие не менее значимые события, непосредственно связанные с данной войной.

Отрицая влияние на ход исторического процесса всего сверхъестественного, Фукидид видит движущие силы этого процесса – войны – в переплетении естественных причин, которые должны быть истолкованы сами по себе, в их закономерном развитии, в связи с общими условиями политической жизни и теми принципами, которыми определяется образ действий ее отдельных деятелей.

Рассматривая взгляды античных мыслителей на процессы взаимосвязи войны и политики, следует обратить также внимание на творческое наследие выдающегося мыслителя того времени – Аристотеля, являющегося по праву родоначальником науки о политике. Примечательно, что одним из основных понятий, рассматриваемых в его книге «Политика» является добродетель, служение которой в понимании Аристотеля являлось «занятие политикой и войной». Несмотря на то, что самого Аристотеля едва ли можно отнести к категории военных теоретиков, тем не менее, нельзя не учитывать то, что именно он на протяжении длительного времени

---

⁷ Соболевский С.И. Фукидид //История греческой литературы. Т. II. – М., 1955. – С. 69-100.

был учителем и наставником Александра Македонского, и таким образом, безусловно, способствовал формированию мировоззрения великого полководца. Александр помимо того, что был великим полководцем, являлся также основателем уникального полиэтничного государственного образования – Македонского царства. Его значение в истории человеческой цивилизации определялось не только интеграцией в единое политическое пространство народов Эллады, Передней Азии и Северо-Восточной Африки, но и создание фундамента эллинистической цивилизации на завоеванном пространстве. Это предопределило развитие данных регионов на столетия.

Среди мыслителей древнеримского периода следует выделить взгляды Цицерона, определявшего войну, как вынужденный акт, допустимый лишь в случае безуспешности мирных переговоров.

Следует отметить, что современные европейские исследователи наиболее ранней научной работой непосредственно о военном искусстве считают сочинение Публия Флавия Вегеция Рената (римского военного историка и теоретика). В частности, в 410 г. Флавий написал трактат «О военном деле», в котором проанализировал боевую практику римских полководцев. Его изречения: «Война приятна только тем, кто ее не испытывал», «Кто хочет мира, пусть готовится к войне» – получили всемирное признание⁸.

Представляется, что закат античности, характеризовавшийся угасанием многих отраслей научной и культурной деятельности, отразился также и на развитии военной науки, но размышления античных мыслителей о войне еще долгое время оставались актуальными и востребованными.

Последующий период развития человечества известный как средневековье характеризовался засильем библейских канонических воззрений, что нашло отражение, в том числе в работах мыслителей по проблемам войны.

---

⁸ См.: Греческие полиоркеттики. Вегеций. Серия «Античная библиотека». – СПб, Алетея. 1996. – С. 153-306.

Так, в частности в философско-исторических концепциях А. Августина, Ф. Аквинского, Тейяра де Шардена и других религиозных мыслителей война осмысливается под воздействием теологических догматов, определяющих ее как непрекращающуюся борьбу сил добра и зла⁹.

Только лишь в период Ренессанса, начинается освобождение от идеологизированного восприятия данного явления.

Особую роль в этом принадлежит выдающемуся мыслителю этого периода Н. Макиавелли, долгое время незаслуженно подвергавшемуся остракизму особенно в марксистско-ленинских обществоведческих источниках. Причиной этого является приписываемое ему изречение о том, что «цель оправдывает средства». Вырванная из контекста, упрощенная и извращенная, она стала основным средством дискредитации личности выдающегося мыслителя эпохи Возрождения. В действительности же фраза, о которой идет речь в работе «Государь» изложена следующим образом: «если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье»¹⁰.

Макиавелли по своему убеждению был реалистом и, соответственно, воспринимал события именно так, как они происходят в реальности, а не как должны были бы происходить, исходя их каких-либо пожеланий. Именно с этих реалистических позиций он и излагал свое видение, как политики, так и ее важнейших проявлений. В частности, говоря о войне в цитируемой работе «Государь», Н. Макиавелли отмечает, что «цель всех тех, кто когда-либо начал войну, всегда состояла в том, – и это вполне разумно, – чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна, приобретений же хотят для того, чтобы увеличить

---

⁹ См.: Августин Блаженный. О граде Божием. В 4 т. – М., 1994; Тейяр де Шарден. Время выбора. Возможный смысл войны // Начало. – 1994. – №1. – С.85-90; Булгаков С.Н. Размышления о войне // Знамя. – 1993. – №5. – С.147-161; Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. Антология. – М., 1994.

¹⁰ Макиавелли Н. Государь. – М.: Планета, 1990. – С. 14

свою мощь и ослабить противника». С этим, очевидно, трудно не согласиться. Тем более, что и современные политические реалии, связанные, например, со стремлением США и их союзников по НАТО к глобальному военно-политическому доминированию, на практике подтверждают данный посыл Н. Макиавелли.

По мнению современных ученых-исследователей, первым, кто по-настоящему осудил войну, был Эразм Роттердамский. В начале XVI века появился его трактат «Жалоба мира», в котором он перечислял все бедствия, приносимые войной, и называл их виновников – князей, государей, духовенство, забывшее Священное писание и одобрявшее братоубийственную войну. Он считал, что блага мира, к которым, казалось бы, только и должны стремиться христиане, перечеркиваются злом войны.

В 1539 году появилась «Боевая книжка мира» Себастьяна Франка, в которой автор развивает существующие взгляды на войну. В частности, если у Э. Роттердамского «мир жалуется», то у С. Франка он «зовет к борьбе»: война против войны – единственно священная война. Автор убедительно обосновывает свою мысль, что война – дело рук человеческих, поэтому и дело мира надлежит обеспечивать людям.

В научно-теоретических трактатах, принадлежащих ученым-мыслителям периода XVII века, научные представления о войне находят свое дальнейшее развитие. Так, увещевая правителей «по возможности» избегать войны, Гуго Гроций призывал в отношениях между народами «соблюдать добросовестность, чтобы не исчезла надежда на мир». Войну Гроций предлагал подчинить правовому нормированию.

Оценивая, научно-теоретические подходы средневековых ученых к войне, необходимо отметить некоторые аспекты, свойственные данному периоду истории.

1) Романтическое, возвышенное представление о войне, как об искусстве военных и политиков добиваться реализации социально значимых целей.

2) Представление о неразрывной связи между войной и миром, находящихся в диалектическом единстве, которое находит свое отражение в словах Аристотеля: «Мы работаем, чтобы была возможность отдыхать, и мы воюем для того, чтобы жить в мире».

3) Стремление к формализации войны, как специфической сферы деятельности, где роли и действия заранее распределены. В частности, представление об ультиматуме, как формальном поводе к началу войны, об ее участниках, как законным образом вооруженных, призванных на службу и носящих униформу солдат каждой из сторон.

В противовес данным взглядам традицию реализма в осмыслении войны развил К. Клаузевиц, абсолютизовавший политическую природу войны, трактуя ее как продолжение политики иными (насильственными) средствами. Описывая природу войны, К. Клаузевиц сравнивает ее с «расширенным единоборством». Так по его словам, «если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»¹¹.

К. Клаузевиц был убежден, что «положительное учение» о войне невозможно и что теория войны, которую он развивал, вовсе не предназначена для того, чтобы сформулировать жесткие предписания «для пользования в поле». Вместо этого теория войны должна «воспитывать ум будущего полководца или, вернее, руководить им в самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так, мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не ведя его, однако, всю жизнь на помочах»¹².

---

¹¹ См.: Клаузевиц К. О войне: В 2-х т. – М.: Государственное военное издательство, 1936. – Т. 1. – 444 с.; Т. 2. – 576 с.

¹² См. там же

Обращает на себя внимание выделение К. Клаузевицем такой категории как источник войны, под которым он понимал волю, интересы целых народов, а также их разум. При этом сам источник войны, по его мнению, не устраним, он существует постоянно, ибо заложен в самой природе человека, но его действие, механизм развязывания войн зависит от практической деятельности людей, их интересов. В этом утверждении К. Клаузевица фактически воспроизводится позиция Аристотеля, определявшего человека «политическим животным» в природе которого и заложены источники конфликтов, в том числе, конечно же, и войн.

Очевидно, что вклад К. Клаузевицем, являвшегося одновременно и крупнейшим военным теоретиком и историком более значителен в осмысление природы и сущности войны. Об этом свидетельствует тот факт, что практически на протяжении двух столетий его подход к определению сущности войны является предметом исследований, апологетики и критики. При этом нельзя отрицать того факта, что идеи и терминология К. Клаузевица, независимо от того, корректно или нет, использовались, прочно вошли в литературу по военным вопросам и проблемам политики безопасности и сегодня используется как стандартный набор основных понятий в военных учебниках и источниках концептуального характера ведущих военных держав мира.

В этом плане можно согласиться с мнением Б. Хойзера, относительно того, что: «его (К. Клаузевица) главная дефиниция войны как борьба двух волевых начал, – представляют собой ту скалу, на которой многие мыслители с тех пор сознательно или неосознанно строили свои теории стратегии и международных отношений».¹³

Важнейшим же значением классического труда К. Клаузевица «О войне» является то, что идеи, изложенные в нем, придали импульс политологической мысли в исследования причин и сущности войны в новом направлении, связанном непосредственно с политикой.

---

¹³ См.: Хойзер Б. Книга Клаузевица «О войне» как шедевр XXI века / В кн.: Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. – М.: Кучково поле, 2007. – С.280.

Еще одним представителем классической школы реализма является К. Шмитт, по мнению которого, война – это способ воздействия, когда технические средства используются для физического насилия. Речь идет о непосредственных, целенаправленных действиях по убийству людей противной стороны. В этом плане война, по словам цитируемого автора, представляется особой формой соперничества.

Как отмечал К. Шмитт, «...народы группируются по противоположности «друг – враг», что эта противоположность и сегодня действительна и дана как реальная возможность каждому политически существующему народу, – это разумным образом отрицать невозможно». Война, как отмечал данный автор, есть крайняя реализация вражды, и она представляет собой реальную возможность, «покуда смысл имеет понятие врага».

В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы. И здесь можно привести слова К. Шмитта: «...Война есть вооружённая борьба между организованными политическими единствами... Существенно в понятии оружия то, что речь идёт о средстве физического убийства людей»¹⁴.

Авторы считают обоснованным вывод К. Шмитта о том, что война как реальная возможность есть всегда наличествующая предпосылка, которая уникальным образом определяет человеческое мышление и действие и тем самым вызывает специфически политическое поведение. Согласно позиции К. Шмита, «специфически политическое поведение» предполагает чёткое проговаривание ситуации и вытекающей из неё задачи.

Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру. Она есть использование средств физического насилия для достижения политических целей. В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применя-

---

¹⁴ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1.

ет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению.

Таким образом, мы видим в конце XX века постоянный интерес западных исследователей и ученых к постижению сущности войны. Несмотря на различие в походах, общим для получивших развитие военно-политических концепций этого периода является попытка ревизии классического определения войны К. Клаузевица. Вместе с тем, несмотря на активную исследовательскую деятельность в данном направлении не одно из рассмотренных определений не охватывает специфику войны как явления современной политической практики и в силу этого не в полной мере раскрывает его сущность и природу.

Не менее значителен вклад в исследование данного явления и отечественных мыслителей и ученых. Следует отметить, что повышенный интерес со стороны российских ученых к проблемам природы и сущности войны в значительной мере был обусловлен той ролью, которую сыграло данное явление в формировании российской государственности. Как отмечал в свое время, Н.А. Бердяев «Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземных нашествиях»¹⁵. Этого не было, да и не могло быть у большинства государств, защищенных от экспансии как с востока, так и с запада самой Россией. При этом ни одна крупномасштабная война в Европе или Азии за последние три столетия не происходила без прямого или косвенного участия Российского государства. По свидетельству, например, профессора Николаевской академии Генерального штаба Н.Н. Сухотина с 1368 по 1893 годы (дата проведения исследования), т.е. за 525 лет, Россия провела в войнах 353 года¹⁶.

---

¹⁵ См.: Бердяев Н.А. Судьба России: опыт по психологии войны и национальности. – Пг., 1918. – С.7.

¹⁶ См.: Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. – СПб., 1898.

XX век принес еще, по крайней мере, 21 год войн, из которых две войны мировые. К этому же, по-видимому, следует добавить также войну гражданскую и три революции в течение первых двух десятилетий прошлого столетия, а также события, связанные с проведением контртеррористических операций на Северном Кавказе на протяжении практически двух последних десятилетий.

Другими словами, такое явление политической практики как война стало настолько естественным для российского общества, что вызывало потребность понять смысл этого явления, необходимость и целесообразность участия России в войнах и вооруженных конфликтах. Неслучайно поэтому то внимание, которое уделялось российскими учеными и мыслителями феномену войны и его осмыслению.

Примечательно, что одно из первых энциклопедических определений данного явления изложено в Толковом словаре В. Даля, определившего, войну как «раздор и ратный бой между государствами, международная брань».¹⁷

В Военном лексиконе под редакцией Л.И. Зеделлера определяется, что: «В обширном смысле, слово война означает совокупность всех насильственных мер, какими одно государство заставляет другое подчиниться известным условиям»¹⁸.

Практически аналогичное определение изложено и в Энциклопедии военных и морских наук. «Война, как отмечается в данном источнике, является в виде одного из средств, при том крайнего средства (*ultima ratio regis*) для достижения государственных целей. Она есть спор о праве между государствами, рассматриваемыми как политические силы...»¹⁹.

---

¹⁷ См.: Толковый словарь живого великорусского языка. В.И.Далю. – М.: Издательство: Ламартис, 2008. – С.51.

¹⁸ См.: Военный Энциклопедический лексиконъ / Военный Энциклопедический лексикон. Под ред. Л. И. Зеделлера. – Т. III, издание второе. – СПб., 1853.

¹⁹ См.: Энциклопедия военных и морских наук /Под редакцией Г.А. Леера, – СПб., 1885, т. II. – С. 269-271.

Характерно то, что и в Военном лексиконе под редакцией Л.И. Зеделлера и Энциклопедии военных и морских наук подчеркивается объективная закономерность войны, источник которой, по мнению авторов данных определений, «кроется в природе человека, и в политическом устройстве народов». Борьба, по словам авторов Энциклопедии, лежит в основе всего живущего. «Все силы природы находятся в постоянной борьбе между собою, стремясь к созданию нового и более совершенного путем разрушения старого и отжившего. Таков основной закон природы. Человечество, составляя часть ее, в своей деятельности, подчиняется тому же закону. Вот почему войны всегда были и будут»²⁰.

Из данных примеров видно, что в дореволюционной справочно-энциклопедической литературе война определяется как естественный и вечный процесс борьбы народов за свое существование.

Этой же позиции придерживался и один из наиболее авторитетных военных ученых второй половины XIX века Г.А. Леер, который в познании явлений войны, единственный путь к получению объективных знаний видел в том, чтобы «смотреть на дело в целом, исследовать со всех сторон, во взаимной связи последних между собой, т. е. синтетически...»²¹.

При этом Г.А. Леер, в отличие от К. Клаузевица, не углублялся далее в соотношения между политикой и войной, но пытался доказать, что в современных для него условиях «война есть явление весьма естественное в жизни народов». Она «хотя и имеет свою широкую злую сторону», но «в конце концов, при благоразумном орудовании этим средством является одним из самых быстрых и могущественных цивилизаторов человечества»²².

Традиционный подход к войне как вооруженной борьбе армий оставался на рубеже XIX-XX веков доминирующим. При этом

---

²⁰ См.: Энциклопедия военных и морских наук /Под редакцией Г.А. Леера, – СПб., 1885, т. II. – С. 269-271.

²¹ См.: Леер Г.А. Стратегия. (Тактика театра военных действий). Изд. 5-е, испр. и дополн. В 3-х частях. Ч. 1. – СПб.: Тип. С. Н. Худякова, 1893.

²² См.: там же.

в основном отечественные мыслители дореволюционного периода признавали, что война есть передвижение и столкновение материальных масс, физическое насилие, убийство, калечение, действие чудовищных механических орудий.

Значительный вклад в развитие «науки о войне» внесли выдающиеся военные теоретики начала XX века А. Снесарев и А. Свечин. Последнего, например, не без основания современники называли «русским Клаузевицем». Предметом их исследования являлись основные тенденции развития войны как общественного явления на основе изучения опыта войн первой половины XX века, участниками которых они были. Например, А. Свечин в предисловии к двухтомной работе «Стратегия в трудах военных классиков», анализируя методы военного мышления, писал: «Чем больше война задевает интересы населения, чем ярче основные ее линии обрисовываются требованиями политики и экономики, тем большее значение получает стратегия»²³.

Позиция А. Снесарева определялась убежденностью в необходимости использования в процессе исследования войны конкретно реалистического подхода с тем, чтобы «видеть расширение ее содержания, превращения ее во всеохватывающее противоборство воюющих сторон». В своей рецензии на книгу А. Свечина «Стратегия», вышедшей в 1926 году, он отмечает, что война может вестись не только мечом, но и другими средствами. Непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии, по словам А. Снесарева, будут тогда лишь восстановлены, если «операции» придать более уширенный смысл, чем тот, который ей придает автор; тогда промежутки между «операциями» автора не будут провалами, а лишь какими-то другими операциями, в которых стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.²⁴

---

²³ Стратегия в трудах военных классиков. – М.: Высш. Воен. Ред. Совет, 1924. – Т. 1. – С. 13; Свечин А.А. Стратегия. -2-е изд. – С. 112.

²⁴ См.: Рецензия на книгу: Свечин А. Стратегия. – М: ГВИЗ, 1926. – 396 с.

В «Философии войны» А. Снесарев подводит как бы итог многолетней дискуссии о природе войны, ее естественности и неестественности, устранимости или неустранимости. Оказывается, что это отнюдь не схоластическая проблема, а проблема большой политики, отношения к войне, что неизбежно влияет на судьбы страны.²⁵

С учетом особой значимости войны для процессов развития российской государственности вполне объяснимо, что данное явление было предметом исследования не только специалистов – военных теоретиков, но и наиболее авторитетных представителей интеллигенции, ученых-государствоведов.

В отечественных философско-политических дискуссиях на рубеже XIX и XX веков по проблемам войны наблюдается две направленности. Наиболее ярким представителем первого направления, отвергавшего всякую войну с позиции принципа ненасилия, являлся Л.Н. Толстой, радикальная антивоенная позиция которого в то время была доминирующей в средствах массовой информации. Великий писатель предрекает близкий конец войны²⁶ и доказывает, что его наступление во многом сдерживается корыстным умыслом военных профессионалов.

Позиция мыслителей второго направления, одним из представителей которого являлся В.С. Соловьев, основывалась на восприятии войны как «богоугодного дела» в том случае, «если она выявляет нравственные начала народной жизни, опирается на нормы религиозной веры и воинской традиции»²⁷. В вопросе об отношении к войне В.С. Соловьев²⁸ различает три отдельных вопроса: обще-нравственный (или теоретический), исторический и лично нрав-

---

²⁵ См.: Постигание военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина / Российский военный сборник. Сост. А.Е. Савинкин, А.Г. Кавтарадзе, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин. – Вып.15. – М.: Русский путь, 1999.

²⁶ Толстой Л.Н. Одумайтесь. Война и военщина. Война и разум. – Берлин, 1896; Можно ли воевать? (С приложением статьи Л.Н. Толстого о приближении конца войны). – СПб., 1901. – 56 с.

²⁷ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Соч. в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С.635 - 662.

²⁸ Соловьев В.С. Указ. соч. – СПб., 1901. – С.8,9,10,11,12.

ственный (или практический). В смешении, или неправильном разделении этих трех вопросов данный философ видит главную причину всех недоразумений и противоречий в оценке и толковании войны с нравственной точки зрения.

Критиком позиции Л.Н. Толстого являлся ведущий российский государствовед И.А. Ильин, развивавший концепцию «сопротивления злу силою». Позиция И.А. Ильина и ряда других философов и государствоведов, придерживавшихся данной концепции, заключалась в том, что применение силы в борьбе со злом рассматривалось как вполне допустимое в определенных, строго оговоренных ситуациях и обстоятельствах, когда все другие ненасильственные, религиозные, духовно-нравственные средства исчерпаны, либо их вообще невозможно применить²⁹.

В дискуссии с известным писателем о понимании природы войны принимал участие и М.И. Драгомиров, считавший, что такая позиция выдающегося писателя сыграет плохую службу обществу и государству, что она дезориентирует общественное мнение и требует публичного ответа. В подробном разборе романа «Война и мир» он пишет: «...странно сказать, что война – дело, противное человеческой природе; если бы это было так, то человек никогда бы и не воевал; между тем вся история показывает обратное: не только воюет, но даже иногда из-за нелепых побуждений воюет»³⁰. В конечном итоге М.И. Драгомиров делает обобщающий вывод: «Дело вовсе не в том, скверное или хорошее дело война, а в том, устранимое ли?»³¹. И далее: «Великий наш хирург Пирогов называл войну травматической эпидемией; замечание глубокое, ибо характеризует войну как дело, человеческой воле неподчинимое».³²

---

²⁹ Боброва И.А. Ильин И.А. О социальных и нравственных противоречиях войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб, 2007. – №11(32). – С.33–38.

³⁰ См.: Драгомиров М.И. Война и Мир гр. Толстого с военной точки зрения // Сборник оригинальных и переводных статей М.Драгомирова (1858-1880). – Т.1. – СПб., 1881. – С. 418-419.

³¹ См.: Драгомиров М.И. Открытое письмо Г. Блюху //Разведчик. – 1896. – № 316. – С. 976.

³² См.: Там же.

На рубеже веков формируется и быстро развивается в среде военных профессионалов психологическое исследование войны, по существу зарождается психология войны. Именно в это время появляются разделы по военной психологии в журналах «Военный сборник», «Педагогический сборник», газетах «Русский инвалид», «Разведчик», статьи в «Военно-медицинском журнале» и «Психиатрической газете». В Обществе ревнителей военных знаний (общественно-научной организации офицеров Санкт-Петербургского гарнизона) в 1908 г. был создан отдел военной психологии, целью которого была разработка «военной психологии» как отрасли общих и военных наук, исследующей духовную сторону явлений войны.³³

Война с Японией побудила к исследованию войны с позиций анализа ее как целостного общественного явления, а не только с позиций искусства подготовки и ведения боевых действий как уже известных военных теоретиков (Мартынов Е.И.³⁴, Гершельман С.³⁵), так и молодых офицеров участников этой войны (Свечин А.А.³⁶, Кладо Н.Л.³⁷, Новицкий В.Ф.³⁸, Апушкин В.А.³⁹, Парский Д.П.⁴⁰)

Помимо научных дискуссий война как одно из наиболее значимых явлений эволюции российской государственности занимала значимое место в идеологических концепциях различных политических сил, прежде всего оппозиционных (или революционных по терминологии того времени).

---

³³ См.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.

³⁴ См.: Мартынов Е.И. Бой при Ляньдянсане и сражение на Шахэ (Мое участие в них). – СПб., 1908; Он же. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. – Плоцк, 1910.

³⁵ См.: Гершельман С. Мысли о японской войне. – СПб., 1908.

³⁶ См.: Свечин А.А. Предрассудки и боевая действительность. – СПб., 1907.

³⁷ См.: Кладо Н. Введение в курс истории военно-морского искусства. Цель и метод изучения и преподавания истории военно-морского искусства. – СПб., 1910. – 603 с.; Значение флота в ряду военных средств государства. – Ораниенбаум: Изд. офицерской стрелковой школы. 1910; История русской армии и флота. – М., 1911; Курс стратегии. 3 т. – СПб., 1912.

³⁸ См.: Новицкий В.Ф. Защита диссертации полковником В.Ф. Новицким // Известия Николаевской Императорской Военной академии. – 1912. – № 30. – С. 926-927.

³⁹ См.: Апушкин В.А. Русско-японская война. – М., 1911.

⁴⁰ См.: Парский Д.П. Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии. – СПб., 1906. – 71 с.; Воспоминания и мысли о последней войне (1904-1905 гг.). – СПб.: Шнеур, 1906. – 97 с.

Особое место в данных концепциях занимала интерпретация сущности данного явления представителями народничества. Под влиянием теоретического наследия А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского народники становятся убежденными сторонниками классовой борьбы, ее роли в историческом процессе, связи войны с политикой. Так, в частности, позиция П.Л. Лаврова заключалась в том, что война представляет собой ни что иное, как «борьбу классов хищников», а также «борьбу между богатыми и бедными»⁴¹. При этом, осуждая войны в принципе, П.Л. Лавров и другие представители народничества, тем не менее, были убеждены в законности и справедливости войн революционных⁴².

Исходя из данного восприятия, они акцентировали внимание на политической сущности войн, проводимых государством, а также политической значимости основного орудия осуществления политических целей войны – армии, которую надо было привлечь на свою сторону в осуществлении политического переворота.

Данный взгляд близок к тому, как позже в XX веке, оценивал войны В.И. Ленин, по мнению которого «Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает»⁴³. «Ту самую политику, – писал В.И. Ленин, – которую известная держава, известный класс внутри этой державы вёл в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»⁴⁴.

В трудах этого выдающегося теоретика пролетарской революции обстоятельно проанализированы вопросы влияния войны на

---

⁴¹ См.: Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы. – М., 1934. – Т.2. – С.301-302.

⁴² См. подробнее: Вершинина Е.Г. Некоторые особенности революционной этики народников // XXIV Огаревские чтения. Ч. 1. – Саранск, 1995; Юдин А.И. Социальная философия П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского (историко-сравнительный анализ): Дисс. ... докт. филос. наук: – М., 2000; Камынин И.А. Формирование народнического дискурса в 60-70-е годы XIX в. // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – №3. – 2007.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. – Т. 26. – С. 224.

⁴⁴ Ленин В.И. – Т. 32. – С. 79.

вызревание революционной ситуации; организации вооруженного восстания и защиты «социалистического Отечества»; необходимости создания регулярной кадровой армии для защиты «завоеваний социализма» и др.

В отличие от таких социал-демократов, как Г.В. Плеханов, допускавших возможность «освобождение труда» путем «мирного вращивания социализма в капитализм», В.И. Ленин прочно увязал социальную революцию с гражданской войной, и это определило классово-конфронтационную идеологию государства и, как следствие, крайне идеологизированный подход в исследованиях военной проблематики после Великой Октябрьской социалистической революции.

После двух революций, гражданской войны и иностранной интервенции и российское общество, и научное сообщество страны оказались расколоты.

Это предопределило то, что дальнейшее осмысление феномена войны отечественной наукой шло по двум, фактически изолированным друг от друга, направлениям.

Первое направление исследований войны было представлено так называемым русским военным зарубежьем из числа наиболее интеллектуальной части военных теоретиков и специалистов. Долгое время их работы не были известны в России. Только в 90-е годы прошлого столетия благодаря авторам «Российского военного сборника» А.Е. Савинкину и И.В. Домнину и работам Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, творческое наследие отечественного военного зарубежья стало доступно соотечественникам на родине.

Опираясь на опыт войн первых двух десятилетий XX века, прежде всего Первой мировой и Гражданской войны представители данного направления военной мысли России, существенно расширили представление о войне как общественном явлении, посредством анализа ее нового политического, экономического, социального и духовного содержания. В работах авторов данного направления была

выдвинута плодотворная идея создания новой науки о войне, включающую не только теорию, идеи и принципы подготовки страны к войне и ее рациональному ведению, но и раскрывающую ее природу, подходы к предотвращению или хотя бы существенному уменьшению при ее ведении народных бедствий. Лидером данного направления военно-теоретической мысли России являлся Н.Н. Головин. Долгие годы, посвятив многочисленным исследованиям в военной области, профессор Н.Н. Головин пришел к убеждению, что до сих пор аналитики войны изучали главным образом способы ведения войны, а не саму войну, и изложил свое видение проблемы в серии докладов, впоследствии объединенных в 1938 году в книгу.⁴⁵

Следует отметить, что ряд идей, выдвинутых авторами русского военно-теоретического зарубежья, послужили впоследствии базой для создания новаторских концепций войны, обращение к которым произошло спустя лишь несколько десятилетий, да и то не исторической Родине. Речь в частности идет о концепции «мятежевойны»⁴⁶, разработанной Е.Э. Месснером, реалистичность многих идей которой подтверждается в наши дни.

Для советской военной мысли, также как и русского военно-теоретического зарубежья, 20-е годы явились этапом активных поисков, крупных достижений и больших утрат.

В дискуссиях советской военно-теоретической науки 20-30-х годов также, в свою очередь, столкнулись два подхода: идеологический, делавший упор на классово-конфронтационной специфике Красной Армии; и реалистический, ориентирующийся на военные традиции России и мировой опыт военного строительства. В итоге первый подход идеологический, в основе которого были заложены облегченные представления о будущей войне «на чужой территории», о стратегии «сокращения агрессора», об идеологии сражения «малой кровью» на фоне поддержки миро-

---

⁴⁵ См.: Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – Париж, 1938.

⁴⁶ Хочешь мира, победи мятежевойну! //Российский военный сборник. Вып.21. – М.: Русский Путь, 2003. – С. 601

вой революции и др. стал доминирующим. Отчасти это отразилось и на военной реформе 1924–1925 годов, предусматривающей создание небольшой по численности кадровой армии. Техническое оснащение современными типами вооружений (танки, самолеты, бронемашины) началось с большой задержкой; мало значения придавалось и войне на море.

Тем не менее, нельзя не отметить, что военно-теоретические дискуссии 20-х годов не только подняли на новый уровень обсуждение вопросов о войне как общественном явлении, но и выдвинули в качестве первоочередной проблему придания организационных начал военно-научным исследованиям. В то же время, в следствии идеологизации науки, в том числе военной, научный подход к исследованию войны как общественного явления подменяются идеологизированными постулатами. Это привело к тому, что процесс осмысления феномена войны из научных дискуссий трансформировался в режим административно-политической борьбы, жертвами которой стали ведущие российские военные теоретики, в том числе и «русский Клаузевиц» – А. Свечин. Официальная военная наука все больше ограничивается проблемами подготовки и ведения вооруженной борьбы. Целый ряд продуктивных идей о развитии учения о войне как общественном явлении, высказанных в первой половине 20-х годов, были отвергнуты или вовсе не приняты во внимание.

Восприятие официальной наукой войны в этот период начало строиться с марксистско-ленинских позиций, как к неизбежному продукту политики эксплуататорских классов, чуждому социалистическому обществу.

Характерным является определение войны в советской энциклопедии 1928 г. Приведем текст почти полностью: «Война как социальное явление. Война есть более или менее длительное состояние острого конфликта между двумя и более человеческими обществами (В. внешняя) или значительными частями – чаще всего классами – одного и того же общества (В. гражданская), разре-

шаемое при помощи организованного насилия (обычно с применением оружия)⁴⁷.

В этом определении войны выделяется два принципиальных момента. Во-первых, войны, связаны с классовой организацией общества, а во-вторых, – объявляются неправильными другие взгляды, которые рассматривали войну с иных позиций,

Серьезным ударом по этой идеологической схеме стало начало Великой Отечественной войны. Пришел внешний враг, но не классовый, к войне с которым готовилась Красная армия, что разрушало все основы советской военной доктрины предвоенного периода. Именно этим во многом объясняется тот шок, испытанный советскими руководителями на первоначальном этапе войны. Осознав же всю степень опасности, исходящей от этого «неклассового» врага советское руководство сделало правильный вывод, сделав ставку на патриотизм народов Советского Союза, сумело мобилизовать население страны на всенародную священную войну против захватчиков. И именно обращение к истокам государственности явилось одним из решающих факторов, способствовавших победе над фашистской Германией.

К сожалению, уроки Великой Отечественной войне через некоторое время были преданы забвению. Советское руководство вновь стало на мессианские позиции пролетарского интернационализма и оказания помощи всем без исключения политическим режимам, кто заявлял о своей приверженности идеалам социализма, игнорируя при этом собственные национальные интересы. Закономерным итогом стало ослабление государства, его потенциала и возможности противостоять кризисным явлениям.

На представления о войне как общественном явлении в этот период косвенное и прямое воздействие оказывали различные факторы. Непрерывно усиливалось административно-политическое и идеологическое вмешательство в военную науку. И это не пошло на пользу ни военной науке, ни практике военного строительства. По-

---

⁴⁷ Большая советская энциклопедия. – Т. 12. – М., 1928.

литика не получила теоретических ориентиров для разработки оптимальной стратегии общественно-государственного развития в условиях нарастания военной опасности. Политика, вынуждавшая военно-теоретическую мысль подыгрывать ее собственным представлениям и устремлениям, лишалась важных источников развития и проверки обоснованности своих целей. Следовательно, независимость военно-теоретической мысли по проблемам войны как общественно-го явления является важным условием выработки научно-обоснованного курса по обеспечению военной безопасности страны.

И, тем не менее, в советский период был наработан уникальный массив научных знаний и представлений о характере и содержании войны, а также методах и способах ее ведения в современных условиях. Советская военная наука и школа были признаны лучшими в мире. Эта школа базировалась не только на опыте Великой Отечественной войны, но и на практической отработке способов ведения боевых действий на всех стратегических направлениях. Это, конечно же, впечатляло в первую очередь, наших так называемых потенциальных противников. И, неслучайно именно в ходе реформаторских преобразований двадцатилетнего периода военно-научные центры страны (ЦВСИ ГШ, а также научно-исследовательские институты Минобороны России) были подвержены наиболее массивному воздействию путем оптимизации, а на практике фактической ликвидации или, по крайней мере, доведения их до состояния неэффективного функционирования.

После 1991 года в отечественных военно-научных исследованиях произошел очередной коренной перелом. Так же, как и все сферы жизнедеятельности, научная сфера, в том числе в области оборонных исследований были дезориентированы популистскими установками о наступлении бесконфликтного периода развития мировых политических процессов и отсутствия у России так называемых потенциальных противников. Хотя именно в этот период Российская Федерация оказалась в наибольшей степени подвержена угрозам, в том числе непосредственно военного характера.

Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона.

Таким образом, в результате распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения». И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям, то в настоящее время – по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»⁴⁸. Функциональное предназначение его, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве государства, аналогичному СССР в послевоенные годы⁴⁹.

Таким образом, складывающаяся для Российской Федерации геополитическая обстановка крайне неблагоприятно влияет на обеспечение военной безопасности и вызывает потребность переосмыс-

---

⁴⁸ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997. – Internet.

⁴⁹ См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. – М.: МО РФ, 2002.

ления сущности и содержания современного военно-политического противоборства, в том числе и самого явления – война.

Между тем, на практике этого не произошло, и большинство определений войны в значительной мере воспроизводили содержание существовавших ранее дефиниций.

Так, в частности в Военной энциклопедии, изданной в 1994 году, отмечается, что «война – социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами насилия военного»⁵⁰.

Справочник «Война и мир в терминах и определениях»⁵¹ дает следующее определение: «Война – общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения ненасильственных форм и способов борьбы (разрешения противоречий) к прямому применению оружия и других насильственных средств для достижения определенных политических и экономических целей. По своей внутренней сущности война является продолжением политики государств и их правящих элит средствами вооруженного насилия».

Таким образом, представленные выше определения фактически воспроизводят дефиниции, изложенные в справочной и научной литературе более раннего (советского) периода, и не отражают специфику кардинальных геополитических и геостратегических изменений, произошедших на рубеже XX – XXI столетий.

В целом же анализ эволюции взглядов и подходов к определению сущности войны и ее природы свидетельствует о многоплановости и неоднозначности восприятия этого одного из наиболее распространенных явлений мировой политической практики. Боль-

---

⁵⁰ Военная энциклопедия. – М., 1994, в 8 т. – Т. 2. – С. 233-235

⁵¹ Война и мир в терминах и определениях // Под ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011.

шинство из известных к настоящему времени определений войны условно можно свести в несколько групп:

1. Естественное и вечное состояние государств и народов.
2. Продолжение политики другими, насильственными средствами.
3. Вооружённая борьба между государствами, народами, классами и враждебными партиями.
4. Форма разрешения противоречий между государствами, народами и социальными группами средствами насилия.

Все это свидетельствует о том, что война – это явление многофакторное, многогранное и многофункциональное. Исходя из этого, представляется возможным констатировать, что война как особое, специфическое, социально-политическое явление может быть рассмотрена как:

средство, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам

процесс взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии.

определенное *состояние* общества во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способ решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом.⁵² Графически это можно отразить с помощью схемы 1.

К числу необходимых и существенных характеристик войны относятся, во-первых, применение *оружия* для подавления сопротивления представителей сторон конфликта; во-вторых, то, что такое применение оружия осуществляется исключительно между са-

---

⁵² См.: Смульский С.В. Теоретико-методологические аспекты анализа сущности и причин войн // Актуальные социально-философские проблемы анализа современных войн. – М, 1996. – С.64-72.

модействующими вооруженными организациями населения или между государствами; в-третьих, массовость и широкомасштабность проявления; в-четвертых – жертвы.

Схема 1

Для понимания сущности войны необходимо учитывать также следующие ее признаки:

- война есть социальное явление, самостоятельная область (сфера) общественной жизни, специальная социальная реальность;
- война – это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе;
- наличие не менее 2-х субъектов, участвующих в ней;
- цели и задачи этих субъектов противоположны;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
- наличие средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
- массовое широкомасштабное применение средств вооруженного насилия с обеих сторон.

- активное противодействие субъектов друг другу.
- юридический акт объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти и другие.

Конечно, подобный перечень признаков войны не является исчерпывающим и может быть дополнен.

Так, в частности, некоторые военные теоретики считают, что война – это в первую очередь экономическая, дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооружённой силы, вооружённой борьбы отодвигается на второй план. По мнению В.П. Гулина, например: «Войну отличает не форма насилия, а основные её сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определённого времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге – иная их расстановка»⁵³. Таким образом, также как и в определении самой войны, выделение ее сущностных признаков является многоплановым и неоднозначным.

И, тем не менее, по нашему мнению, определяющим признаком войны является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет сущность войны в точном смысле этого слова.

На основе анализа вышеприведенных определений войны, а также ее наиболее очевидных признаков, представляется возможным дать следующее определение войны.

В самом общем виде, по нашему мнению, война есть двухстороннее вооруженное столкновение антагонистических противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее за собой человеческие жертвы и потери.

Данное определение, на наш взгляд, в наибольшей степени отражает сущность данного явления, отражающего специфику от-

---

⁵³ См.: Гулин В.П. Указ. соч.

ношений различных субъектов в процессе использования ими средств вооруженного насилия. Помимо этого, представленным определением, на наш взгляд, преодолеваются трудности, связанные с разграничением вооруженных стычек, столкновений и схваток между отдельными лицами или группами людей, с одной стороны, и войной, – с другой.

Более полному пониманию сущности войны как феномена общественно-политической жизни способствует использование общеметодологических принципов, воздействующих на развитие данного явления. Можно выделить следующие принципы:

1) *Принцип всеобщей взаимосвязи*. Война, как сложное социально-политическое явление не может рассматриваться односторонне. Об этом говорили мыслители прошлого и современности, выражая свои взгляды в форме политических, правовых, эстетических и религиозных идей и взглядов, концепций и теорий. Этот принцип позволяет нам выявить характер всех этих связей, определить их развитие и функционирование.

2) *Принцип детерминизма* – позволяет связать проблемы классификации концепций войн с их причинной обусловленностью. Так как этот принцип наиболее важен для нас, выделим три подпринципа:

- политической детерминации, определяющего природу войны;
- экономической детерминации, позволяющего выявить связь политики и экономики, определить первопричины войны;
- идеологической обусловленности, устанавливающего связь войны с идеологией, мировоззрением обществ, государств, непосредственно или опосредованно участвующих в войне.

В русле анализа исследуемой проблематики, необходимо особо обратить внимание на *идеологический* компонент концепций войн.

Влияние идеологий, заложенных в концепциях войн, заключается, главным образом, в том, что все изменения в обществе, вооруженной организации быстрее и болезненнее отражаются в

социальной психике и морали людей – их настроениях, чувствах, переживаниях, ценностных ориентаций, нравственных позициях. А это, как известно, наиболее подвижная сфера общественного сознания, состояние которой может характеризовать отношение граждан к самым различным явлениям, том числе – войне.

3) *Принцип развития* – позволяет рассматривать явления (в том числе войну) в самодвижении. Концепции войн, находятся в постоянном изменении, прежде всего, по двум главным причинам, во-первых, в силу экономического состояния общества, что связано с развитием вооружения, появлением новых технологий, разработок, инноваций. Во-вторых, по причинам социально-политического состояния общества.

Принцип развития позволяет осознать, что проблема изучения тех или иных явлений, находится в состоянии постоянной эволюции.

Военная мысль, в том числе военная наука долгое время были преимущественно сосредоточены на изучении войны как практического исторического процесса, т.е. на практических вопросах подготовки и ведения войны.

Исследователи пытались осмыслить итоги и спрогнозировать возможный облик будущих войн, с тем, чтобы государства смогли наилучшим образом подготовиться к ним. Формы изложения данных концепций были разнообразны – это или теоретический трактат, или философское сочинение, или политический памфлет, или проект конституции и т. п. Как правило, в полной мере спрогнозировать облик будущей войны не удавалось никогда, так как очередная новая война успешно опрокидывала опыт предыдущей. Тем не менее, те государства, которые уделяли этой проблеме большее внимание и пытались реализовать выводы собственных экспертов в своей государственной практике, почти всегда оказывались в лучшей ситуации и, как правило, выходили из войн в лучшем, чем другие состоянии.

Точку зрения, к которой приходят человечество и его общественная мысль в начале XXI века, можно назвать социально-

политическим реализмом: поскольку война тесно связана, с экономикой и политикой и это явление нельзя просто «отменить», его нужно ввести в цивилизованные рамки, сделав предметом деятельности социально ответственной военной политики.

Характер переживаемого мировым сообществом, в том числе и Россией, современного периода, усложняющие задачи создания стабильной системы международной и региональной безопасности, с необходимостью требуют новых подходов к изучению понимания концепций войны. Таким образом, налицо необходимость углубленного военно-политического осмысления сущности и содержания различных концепций войны, с учетом изменившихся реалий, как в мире, так и в российском обществе.

Глава 2.

ИНВАРИАНТНАЯ СУЩНОСТЬ ВОЙНЫ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Переосмысление сущности войны, ее современных типов, а также средств и методов ее ведения началось практически сразу после второй мировой войны.

В этот период зарубежная политология, философия, социология испытывали настоящий ренессанс в изучении войн. Над вопросами войны и мира много и плодотворно работали В. Галли, Ф. Фюре Г. Бутуль, Р. Арон Дж. Бриджмен, Дж. Модельский и многие другие.⁵⁴

Например, Г. Бутуль делает акцент на том, что война – это форма потери социального равновесия, причем ускоренная. Такой подход не отражает сути – в определении отсутствует главное средство – насилие. «Изучать мир, – считал Г. Бутуль, – можно, только изучая войну». При этом он справедливо отмечает, что война представляет собой одно из наименее изученных явлений, несмотря на то, что она занимает огромное место в жизни общества⁵⁵.

Дальнейшее развитие зарубежной военной мысли основывалось на двух главных философских концепциях, представляющих так называемые англосаксонскую и континентальную (европейскую) общественно-политическую мысль. К ним относили тради-

---

⁵⁴ См.: Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

⁵⁵ См.: Bouthoul G. Histoire de la sociologie. Paris: PUF, 1958 (1-ere ed. 1950). – P. 125.

ционную метафизическую концепцию и неопозитивистскую концепцию.⁵⁶

Представителем первого направления являлся Р. Арон. Являясь крупнейшим французским социологом Р. Арон, определял социологический характер исследования войны. «Война, – по его словам, – есть специфическое социальное явление, возникшее, вероятно, в определенный исторический момент: она представляет собой организацию насильственных действий, предпринятых находящимися в состоянии борьбы коллективами». При этом Р. Арон полностью игнорирует классовый характер войны, поскольку война, по его мнению, не имеет никакой связи с экономикой, с характером социально-экономического строя. Корни войны, по мнению автора, «в области биологической, психологической и социальной». Поэтому войну Р. Арон считал естественным состоянием, а мир – лишь временной приостановкой военных действий, продолжением войны без применения непосредственно военной силы, но основанным на угрозе применения силы.

Вместе с тем, придерживаясь важнейшего постулата К. Клаузевица, Р. Арон в книге «Мир и война между нациями» утверждает: «Война есть акт политический, она возникает из политической ситуации и является результатом политических мотивов»⁵⁷.

Основу классификации по Арону составили типы войны:

- 1) межгосударственные;
- 2) сверхгосударственные, или империальные;
- 3) внутригосударственные или внутриимпериальные (представляющие собой вооруженные столкновения за господство внутри государства или коалиции стран, объединенных под сенью империи, за статус сильнейшего).

Кроме того, Р. Арон различает также войны абсолютные, где насилие возводится в крайнюю степень, а психологический элемент

---

⁵⁶ См.: Пеллициа А. Эволюция философии войны // НАТО's фифтин нейшнз» (Голландия). – № 6, декабрь 1970 – январь 1971.

⁵⁷ См.: Арон Р. Мир и война между народами / Ред. В.И. Даниленко. – М.: Nota Bene, 2000. – С.54.

в конечном счете утрачивается, а также войны реальные, с ясно очерченной политической целью и имеющие психологический характер. Арон вводит еще понятие «войны принципов», или «идеологической войны», которая, по его мнению, возможна между «сверхдержавами». К такого типа войнам он относил и вторую мировую войну.

Причина поражения великих держав в колониальных войнах XX века, по мнению Р. Арона, может быть объяснена асимметрией отношений «повстанец-колонизатор». Кроме неравенства сил, Р. Арон выделил асимметрию «воли, интереса, антипатии в воинственном диалоге консерваторов и повстанцев», которая «явилась последней причиной того, что французские авторы называют поражением Запада»⁵⁸. Так, по словам Р. Арона «Националисты, требующие независимости для своей нации (которая в прошлом существовала или нет) более одержимы, чем управители колониальных государств. По крайней мере, в нашем веке они верят в святость своего дела больше, чем их противники в законный характер своего господства. Шестьдесят лет назад француз, как пишет Р. Арон, не сомневался в цивилизаторской миссии Франции, так же как и англичанин в «бремени» белого человека. Он сомневается в том, что имеет моральное право отказывать народам Африки и Азии в праве на родину (которая не может быть Францией), даже если эта родина всего лишь мечта, даже если она неспособна быть действительно независимой»⁵⁹.

Асимметрия воли и интереса, по мнению цитируемого автора, и объясняет, почему в 60-х годах XX столетия формально сильная сторона (Франция) отказалась от продолжения борьбы с более слабым противником (Алжир).

Англосаксонская военно-политическая мысль в этот период была представлена разработками целого ряда исследователей среди которых особое внимание обращают работы американских ученых

---

⁵⁸ См.: Арон Р. Мир и война между народами / Ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000. - С. 84, 86.

⁵⁹ См.: там же.

Дж. Бриджмена и Дж. Модельского, в которых война рассматривается как результат несовместимости различных цивилизаций.

В частности Дж. Бриджмен особо подчеркивал,⁶⁰ что распространенное определение войны, как действительного или возможного насилия значительного масштаба и деятельности и как формы отношений между политически организованными системами – является неполным. Истории известны войны, – указывал он, – на протяжении которых не велось военных действий. Отметив существование различных точек зрения на условия возникновения и способы ведения войн, Дж. Бриджмен выделяет «геометрическую» и «психологическую» шкалы в понимании путей достижения победы в войне. Согласно первой – «битвы выигрываются благодаря размещению и передвижению войск»; а согласно второй – битвы выигрываются в умах командующих, достигающих психологического превосходства над противником. И здесь же, Дж. Бриджмен выделяет четыре точки зрения на причины войн:

«дарвинистскую» (борьба за жизнь свойственна всем биологическим существам, в том числе и человеку);

«первородного греха» (отход людей от первоначального идеального состояния привел к конфликтам);

марксистскую (институт эксплуатации есть источник войн);

«теорию великого человека» (агрессивные личности навязывают свою волю пассивной массе).

Данная точка зрения не утратила определенной значимости, и представляют интерес для современных исследователей. Мы можем согласиться с Дж. Бриджменом в том, что война представляет собой сложное явление и должна рассматриваться в контексте с другими социальными явлениями и процессами.

Также представляет интерес позиция Дж. Модельского, определявшего связь между войной и «системой великих держав». По его словам, войны возникают из-за великих держав, а «система ве-

---

⁶⁰ См.: Война: историческое, политическое социальное исследование. War: a historical, political and social study //Santa Barbara, Oxford, 1978, XVI, - 285 p.

ликих держав» существует благодаря войнам. «Война оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы; в свою очередь, статусная система рассматривает войну как средство своего самосохранения»⁶¹. Основными факторами нарушения «системы великих держав» автор считает «глобальные» войны, т.е. конфликты, затрагивающие структуру «глобальной политической системы». Это не обязательно самые крупные войны, пишет он, но непременно войны мирового значения. Для объяснения характера «неклассических» современных конфликтов, автор вводит понятия «национальных» и «субнациональных» войн. Под национальными он понимает войны, связанные с формированием «национальной политической системы»⁶². Таковыми, по мнению, Дж. Модельского, являются гражданская война в Греции, войны в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке. «Субнациональными войнами», по мнению цитируемого автора, являются локальные конфликты, возникающие тогда, когда подразделения большой политической системы не удовлетворены ее устройством – это «сепаратистские» войны. Так, по его подсчетам, 2/3 вооруженных конфликтов с 1945 по 1978 годы относились к «национальным». «Субнациональными» был 21 конфликт, в том числе 14 – колониальные войны (почти все завершались достижением национальной независимости) и 7 – «сепаратистских» войн в новых государствах.

По мнению Дж. Модельского, великие державы могли считаться источниками не только глобальных, но также и национальных и субнациональных войн. Поэтому снижение количества различного рода конфликтов данный автор увязывает с устранением самой «системы великих держав». Следует отметить, что данная позиция в определенной мере обоснована, что подтверждается характером противостояния США и СССР в послевоенный период. Не вступая в открытое вооруженное противоборство друг с другом, две сверхдер-

---

⁶¹ См.: Война: историческое, политическое социальное исследование. War: a historical, political and social study //Santa Barbara, Oxford, 1978, XVI – С. 45.

⁶² См.: Там же. – С.54.

жавы всячески поддерживали вооруженные формирования, выступавшие с антисоветских или же антиамериканских позиций.

Исследования показывают что, тематика научных поисков в данный период охватывает широкий спектр проблем, связанных с коренным изменением характера и содержания вооруженного противоборства в послевоенный период.

Этому во многом способствовало, с одной стороны, формирование биполярной системы глобального военно-блокового противостояния двух сверхдержав СССР и США с их сателлитами. Данное противостояние приобрело форму так называемой «холодной» войны, в которой ее участники, не вступая в открытые вооруженные столкновения, тем не менее, наращивали свои военные потенциалы с тем, чтобы в любой момент использовать их в отношении друг друга.

С другой стороны, стимулировало переосмысление сущности войны зарубежными и отечественными учеными также появление ядерного, а затем высокоточного и др. видов оружия.

Целый ряд военных исследователей в этот период сделали вывод о том, что вследствие появления оружия массового уничтожения война утратила свой политический характер. Еще в 1943 году в Лос-Аламосе Нильс Бор, принимавший участие в создании первой атомной бомбы, говорил: «Новое оружие не только изменит характер будущих войн, но и заставит человечество отказаться от вековой привычки воевать». В 1945 году ему вторил Сциллард, который, в частности, утверждал: «Как только у русских появится атомная бомба, установится длительный вооруженный мир». Из подобных установок Б. Броуди в 1946 году сделал следующий вывод: «До настоящего времени основной целью высшего военного руководства являлась победа в войне, впредь целью станет – избежать войны». По мнению Ф. Руге, война не является средством рациональной политики, так как ядерная война уничтожила бы участников войны, не оставив победителя.⁶³ Аналогичной точки зрения придерживался и

---

⁶³ См.: Руге Ф. Морская держава. В работе: Клаузевиц в наши дни. Дармштадт, 1971. – С.58.

ведущий военный теоретик Израиля И. Валлах, по мнению которого «война в противоположность прошлому, стала войной машин, и из человеческой области перешла в область науки и технологии... войной азимутов и электронных компьютеров».⁶⁴

На первый взгляд эти тезисы кажутся отражением сложившихся к тому времени реалий. В то же время их очевидным недостатком является констатация недоступности понимания войны, а также радикальная деполитизация данного явления, что, наш взгляд, неправомерно.

Отдельным направлением военных исследований в этот период стал вопрос о перспективах войны в условиях возможного применения оружия массового поражения.

Так, в частности, Н. Браун, преподаватель курса международной политики в Бермингемском университете, полагает, что мировые войны могут иметь место на ограниченном театре военных действий. Гонка вооружений, по его мнению, или будет продолжаться до бесконечности, или приведет к новой мировой войне.

Противоположной точки зрения придерживался Ж. Вернан, по мнению которого, в тот период не было причин возникновения новой мировой войны. Напротив, по его мнению, именно, благодаря, ядерному оружию можно избежать новой мировой войны⁶⁵.

В этот же период получили развитие так называемые «полемологические» подходы к изучению явления войны, в основе которых лежит комплексное изучение войн, конфликтов и других форм «коллективной агрессивности» с привлечением методов демографии, математики, биологии и других точных и естественных наук. Данные подходы связаны с именем французского социолога Г. Бутуля – создателя «новой науки о войне» – полемологии, основателя и президента Французского института полемологии. Основные положения полемологии нашли отражение в

---

⁶⁴ См.: Валлах И. Военные теории. Их развитие в XIX и XX столетии. Франкфурт-на-Майне. 1972. – С.348.

⁶⁵ См.: Вернан Жак. О возможности возникновения ограниченной мировой войны в Европе. Перевод с франц. //Ревью де дефанс насьональ. 1972, октябрь. – С.1500-1505.

работах таких исследователей, как Ж.-Л. Аннекэн, Ж. Фройнд, Л. Пуарье и др.

К сожалению, в отечественной науке в данный период ситуация вокруг исследований в рамках теорий войны и армии развивалась по иным сценариям. Продолжавшаяся на протяжении почти всей второй половины XX столетия «холодная» война, завершилась крушением одного из ведущих государственных образований – Советского Союза, рухнувшего под влиянием не столько внешних угроз, сколько в следствие перенапряжения общества, уставшего от всеобщего дефицита мобилизационной экономики, а также других негативных факторов кризисного развития политической и социально-экономической сфер жизнедеятельности.

Следует отметить, что в отечественной научной литературе исследованию феномена «холодной войны», а также ошибок и просчетов советского руководства в этот период не было уделено должного внимания.

Лишь в начале 90-х годов XX столетия в России прошел ряд международных конференций по данной проблематике, но в последующем научной интерес к данной теме фактически иссяк. То же самое можно сказать и об исследованиях военно-стратегического характера ведущих военно-научных центров страны и, прежде всего Военно-научного управления и Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных Сил России, а также Академии военных наук.

Примечательно, например, что событиям Великой Отечественной войны уделяется внимания в научной литературе и, прежде всего, в работах ученых данной Академии, значительно больше, чем анализу современных войн и вооруженных конфликтов. Что же касается опыта и уроков биполярного противостояния, то в отношении них проявляется стремление, как можно быстрее, забыть события данного периода. Это, на наш взгляд, неоправданно, поскольку именно в этот период и были наработаны, а также апробированы на практике формы и методы вооруженного противоборст-

ва реализуемого в современных условиях. Игнорирование же неудачного опыта закономерно ведет к его повторению. Это, в общем-то, и произошло в ходе «пятидневной войны» – операции по принуждению Грузии к миру 8-12 августа 2008 года.

События августа 2008 года в Южной Осетии, особенно в части касающейся мощного информационного прессинга России в очередной раз подтвердили тот факт, что с окончанием «холодной войны» XX столетия политическая борьба, с использованием различных средств и методов, в том числе вооруженных, не прекращается.

По мнению некоторых исследователей, это свидетельствует о том, современная «война» представляет собой явление более масштабное, чем просто вооруженное столкновение армейских контингентов. А, это в свою очередь, предполагает необходимость переосмысления произошедших изменений в данной сфере.

Представляется справедливым тезис выдающегося военного теоретика А.А. Свечина, согласно которому: «Нельзя оставаться при старых шаблонах. Если наши понятия не будут изменяться соответственно прогрессу военного дела, если мы остановимся на точке замерзания, то, поклоняясь неизменным законам, мы постепенно упустим из вида всю сущность явлений. Глубокие идеи превратятся во вредные предрассудки; символы наши потеряют свое внутреннее содержание; останется внешняя пустая оболочка, безжизненный идол».⁶⁶

Окончание «холодной войны» породило радужные надежды на то, что после прекращения биполярного противостояния исчезнет и один из его основных признаков – конфликтность. И, наконец, в них воцарятся согласие и сотрудничество. Эта мысль нашла отражение в статье «Конец истории?», опубликованной Ф. Фукуямой в США в 1989 году. С его точки зрения, «рыночная демократия» представляет собой конечный идеал, «абсолютную идею» ме-

---

⁶⁶ См.: Свечин А.А. Предрассудки и боевая действительность//Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. / Российский военный сборник. – Вып. 15. – М.: Военный университет. Русский путь, 1999. – С. 70 – 93.

ждународных отношений. Этот тезис породил полемику и вызвал массу опровержений и вопросов, в частности, о том, может ли история иметь окончание. Оптимистический заряд идеи «конца истории» – о возможности установления нового международного порядка, характеризующегося отсутствием войн, вооруженных столкновений, противоречивых интересов и торжеством общепризнанных идеалов и универсальных ценностей, – сохранялся некоторое, хотя и непродолжительное, время. Развитие мировых политических процессов уже в начале 90-х годов опровергло данные иллюзорные утверждения Ф. Фукуямы.

Мир не только не стал безопаснее и стабильнее, напротив, он стал еще более непредсказуем, уязвим и подвержен угрозам, среди которых особое место занимает немотивированное применение военной силы. При этом сам «рецидив силы» стал одной из наиболее значимых тенденций в развитии международных отношений, о чем свидетельствуют и конфликты на рубеже XX–XXI столетий.⁶⁷

Прекращение «холодной войны» вместе с разрушением Берлинской стены и ликвидацией Организации Варшавского Договора не привели к аналогичному роспуску военно-политического блока НАТО. Напротив, Северо-Атлантический альянс, создававшийся для войны с СССР, еще более укрепился, в том числе за счет бывших советских сателлитов. В результате биполярный мир, определявший парадигму военных конфликтов XX столетия, был заменен глобальным миром, характерными чертами которого стали распространение оружия, несостоявшиеся государства, этнополитическое насилие, подъем терроризма и 24-часовые электронные СМИ. Таким образом, крушение СССР не только не привело к желаемому всеобъемлющему миру, но и в значительной мере обострило ситуацию в целом ряде регионов мира.

Структурные изменения международных отношений с распадом биполярного мира привели к существенным изменениям внеш-

---

⁶⁷ По данным экспертов в течение только последнего десятилетия XX столетия в мире ежегодно происходило 33-37 вооруженных конфликтов.

ней политики ряда государств, в частности США и их союзников по НАТО. На практике это выразилось в применении односторонних либо коалиционных военно-силовых принудительных мер в отношении других государств.

Первой такой акцией стала война в зоне Персидского залива, явившаяся крупнейшим вооруженным столкновением после окончания второй мировой войны. В войну были вовлечены в той или иной мере 35 государств (Ирак и 34 государства антииракской коалиции). Значительное число стран, не имевших непосредственного отношения к боевым действиям в данном регионе, также не остались безучастными к этим событиям, выразив свое отношение к ним в форме заявлений или других действий в пользу одной из противоборствующих сторон.

Подготовка, а также сам ход этой военной операции, получившей название «Щит пустыни», свидетельствуют о заблаговременной подготовке США к войне с Ираком⁶⁸, руководство которого к тому же предоставило для этого достаточно обоснованный предлог – оккупацию Кувейта. Деокупации последнего и явилась основанием вторжение американских войск сначала в Саудовскую Аравию, а затем и в Кувейт.

Специфика конфликта определялась также невиданным размахом применения авиации и «умного» и высокоточного оружия, что, по мнению многих специалистов, знаменовало начало новой эпохи в военном искусстве. Помимо этого, благодаря широкому освещению процесса боевых действий в СМИ, эта акция получила также название «телевизионной войны».

В 1998 году США и их ближайший союзник – Великобритания провели в отношении Ирака еще одну военную акцию – операцию «Лиса в пустыне», поводом к которой стал отказ (фактически спровоцированный) иракского руководства к сотрудничеству с

---

⁶⁸ О заблаговременном характере подготовки данной военно-политической акции свидетельствует тот факт, что еще в начале 80-х годов США объявили Персидский залив зоной своих национальных интересов.

международной комиссией ООН, занимавшейся инспекцией иракской программы разработки оружия массового поражения. Операция проводилась двое суток, в течение которых по территории Ирака было нанесено 14 ракетно-бомбовых ударов, сухопутные войска в операции участия не принимали. Важнейшей спецификой данной операции стала ее скоротечность и достижение значимых политических целей при минимальных затратах военного потенциала. Оценивая ход этой военной операции, а также ее итоги вполне можно допустить, что ее истинной целью являлось не столько принуждение С. Хусейна к выполнению требований международной комиссии, сколько отработка новых форм и методов ведения боевых действий, а также испытание новых образцов вооружения непосредственно в боевой обстановке.

Особым этапом в формировании новой парадигмы войны стала натовская агрессия против Югославии. Продолжавшиеся в течение трех месяцев военные действия НАТО против СРЮ, безусловно, войдут в историю Европы как одна из наиболее ее трагических страниц. В результате массированных ракетно-бомбовых ударов по городам и другим населенным пунктам Югославии погибло более 1700 и ранено порядка 10 тыс. югославских граждан. Обращает на себя внимание и откровенно психологический характер воздушных ударов, рассчитанный на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в самой Югославии, создание хаоса и паники среди населения. С этой целью наносились ракетно-бомбовые удары по фармацевтическим и химическим предприятиям, электростанциям, теле- и радиотрансляционным центрам, школам, больницам и другим гражданским объектам. Всего же за период агрессии НАТО против СРЮ было совершено свыше 20 000 самолето-вылетов боевой авиации и применено 870 крылатых ракет морского и воздушного базирования. Такого массированного применения средств воздушного поражения мирного населения и объектов гражданской инфраструктуры со времен второй мировой войны не испытывало на себе ни одно из европейских государств.

Анализ хода самой агрессии, и её наиболее очевидных результатов, позволяет сделать вывод, что главным мотивом агрессии явилось стремлением руководства НАТО заявить о своих претензиях на мировое господство и об особой военно-полицейской роли альянса в Европе.

При этом руководством альянса преследовались также следующие цели:

- продемонстрировать решимость НАТО любой ценой добиться урегулирования косовской проблемы на своих условиях;
- существенно подорвать военно-экономический потенциал СРЮ и лишить федеральную власть страны возможности проводить в будущем силовые акции в Косово;
- способствовать установлению в Косово, а по возможности и в самой Югославии, проНАТОвского марионеточного режима;
- вывести из-под юрисдикции международных институтов процессы урегулирования кризисов и конфликтов, что должно являться, по мнению руководства альянса, прерогативой только лишь НАТО и доминирующих в альянсе США;
- установить контроль над таким стратегически важным районом, как Балканы.

В силу этого, очевидно, что агрессия НАТО против Югославии, равно как и последовавшая затем оккупация Косово, – продуманная и принятая к исполнению стратегия США и НАТО, реализуемая независимо от действительного положения дел в Югославии и политики ее руководства. Для руководства НАТО в этом плане был принципиально важен сам факт военно-силового разрешения косовского кризиса, как демонстрации военной мощи блока и готовности его руководства применить ее на практике в дальнейшем.

В интересах реализации собственной стратегии руководство Североатлантического альянса искало любые предлоги. В частности,

таким предлогом, в конечном итоге стал отказ югославской стороны выполнить заведомо неприемлемый ультиматум на переговорах в Рамбуйе. Более того, как показало дальнейшее развитие событий, руководство альянса готово было обойтись даже и без каких-либо видимых причин и предлогов для нанесения воздушных ударов по Югославии, поскольку сама по себе агрессия была предрешена задолго до переговоров по урегулированию кризиса. Да и сами по себе переговоры в Рамбуйе были лишь отвлекающим маневром.

Очевидно, что в процессе планирования агрессии стратеги НАТО руководствовались известным принципом Наполеона: «если у вас нет противника, то его необходимо выдумать». Выдумать и победить, с тем, чтобы укрепить не только свое внешнеполитическое, но внутривнутриполитическое положение. В данном случае Югославия представляла собой идеального противника, победа над которым была фактически предрешена.

Все это стало логическим следствием эволюции Североатлантического альянса, военно-политическое руководство которого решительно взяло курс на установление нового мирового порядка посредством военно-силового диктата, опробовав данную стратегию на практике сначала в Ираке в ходе описанных выше операций, а затем и в Югославии.

Мировому сообществу, таким образом, было продемонстрировано, что борьба за будущее мироустройство вступила в решающую стадию, а само беспрецедентное насилие в конце XX века является, ни чем иным, как прелюдией к конфликтам и войнам в XXI веке, основным движущим мотивом, которого является очередное возрождение имперских амбиций. Отчасти это следовало и из заявлений высших руководителей администрации США, а также их важнейших концептуальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности и др.

Таким образом, важнейшим следствием разрушения сложившегося в результате и после Второй мировой войны миропорядка стала активизация сил, готовых утвердить, в том числе и с помо-

щью военной силы, новые принципы и формы организации мирового сообщества. США и НАТО в своем стремлении к утверждению однополярного мира становятся источником опасности неоимперских войн, представляющих собой откровенно интервенционистские акции, даже если они осуществляются под флагом миротворческих или гуманитарных операций.

В целом же следует отметить, что на рубеже столетий США и их ближайшим союзником – Великобританией – был наработан опыт достижения победы в вооруженных конфликтах при минимальных затратах людских и материальных ресурсов. В последующем эта практика совершенствовалась, в том числе в ходе военных операций в Афганистане в 2002 году, в Ираке в апреле 2003 года, в Ливии в 2011 году.

В конце XX – начале XXI века кардинальные изменения военно-политической ситуации в мире потребовали переосмысления природы и сущности войн и вооруженных конфликтов современности, а также их специфики и принципиальных отличий от военных конфликтов предшествующего периода.

Примечательно, что именно в этот период стали появляться различного рода концепции так или иначе определявшие потенциальную конфликтогенность сложившегося миропорядка, а следовательно, и обоснованности применения военной силы в интересах той части мирового сообщества, которая ассоциирует себя с американо-западноевропейскими ценностными установками. Именно к их числу относится знаменитая концепция С. Хантингтона – «столкновения цивилизаций». В соответствии с ней, на смену классическим конфликтам эпохи холодной войны приходит конфликт между культурами.⁶⁹

Концепция С. Хантингтона выглядит полной противоположностью взглядам Ф. Фукуямы, который определял будущее международных отношений в оптимистическом свете. С. Хантингтон

---

⁶⁹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World order. 1996. Книга переведена и издана в России: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

представляет развитие этих отношений достаточно пессимистично. Следует отметить, что критики быстро нашли уязвимые места в предложенной С. Хантингтоном схеме, в частности К. Омеэ замечает, что вовсе не цивилизации идут на смену государствам и идеологиям, а, например, регион-экономики.⁷⁰

Критически концепция С. Хантингтона была воспринята и рядом отечественных ученых. В частности Б.И. Каверин обращает внимание на то, что согласно данной концепции войн между государствами и коалициями государств как бы уже не существует, поскольку они «включены» в войны между цивилизациями. Помимо этого, по мнению, Б.И. Каверина, наблюдается достаточно вольное обращение с понятиями – «культура», «цивилизация», «война», «военный конфликт»⁷¹. Таким образом, концепция «столкновения цивилизаций» была воспринята ученым сообществом далеко неоднозначно и даже более чем критически.

Особенностью коренных изменений в военно-политической практике на рубеже XX–XXI столетий стали не только радикальные изменения военно-промышленного и популяционного потенциала ведущих мировых акторов, а также содержания международных отношений, но и характера воздействия общественного мнения на принятие и реализацию решений в отношении войны. Одновременно с этим, изменились и мировоззренческие ориентиры, в том числе в части, касающейся использования военной силы. Примечателен в этом плане тот факт, что война в понимании большинства современных американцев – это локальные операции вдалеке от своих границ, чаще всего успешные, в которых задействована только армия, – как в Никарагуа, на Гаити, Гренаде, Персидском заливе и множестве других. Именно поэтому восприятие войны общественным мнением в США и ведущих странах

---

⁷⁰ См.: Столкновение цивилизаций или столкновение интересов в афро-азиатском мире. Реф. сб. /РАН ИНИОН. – М., 2006. – С. 5.

⁷¹ См.: Каверин Б.И. Цивилизационная глобализация войны и армия //Военно-философский вестник. – 2008. – № 1. – С.106.

Европы формируется под воздействием красивой картинки CNN и не испытывает страха перед опустошающей силой войны.

Неслучайно, именно в этот период произошла очередная трансформация взглядов на сущность и цели войны.

Прежде всего, это касается восприятия так называемой «традиционной войны», обретающей в современных условиях качественно иные параметры. В частности это выражается:

- а) в изменении форм насилия (посредством спецопераций мобильными группами и с заранее определенным результатом);
- б) в использовании нетрадиционных средств поражения, типа высокоточного, нелетального, а также средств морально-психологического подавления противника.⁷²

Все эти обозначившиеся на рубеже столетий новые признаки войны нашли отражение в работах как отечественных, так и зарубежных ученых в виде разнообразных военно-теоретических подходов, взглядов, концепций.

Анализ наиболее распространенных концепций современных войн позволяет выделить три основные группы военно-теоретических подходов.

Первую группу составляют военно-теоретические подходы, определяющие специфику современных войн и вооруженных конфликтов в следствие появления новых *акторов* (действующих лиц, субъектов), а также трансформации планируемых целей в ходе вооруженного противоборства.

В основу *второй группы* концепций заложены взгляды военных теоретиков, определяющие современную *специфику* войн появлением новых средств вооруженного противоборства.

Наконец, *третья группа* концепций выделяет в качестве доминирующего признака современных войн и вооруженных конфликтов появление *новых методов вооруженного* противоборства.

---

⁷² Цит. по: Бельков О.А. Материалы выступления на конференции «Новая эпоха – новые войны».

Одним из ключевых понятий любой военной теории является «противник». Война есть, в конечном счете, двустороннее насилие. Различные военно-теоретические школы по-разному подходят к проблеме содержания войны, форм борьбы в войне, но все едины в том, что без противника война как таковая невозможна.

Неслучайно поэтому основной массив исследовательских концепций современной войны связан с выявлением новых субъектов войны, что и составляет группу военно-теоретических концепций, которую можно условно выделить в качестве первого направления развития современных взглядов на войну как социальное явление.

Согласно военно-теоретическим взглядам представителей данного направления М. ван Кревельда, Х. Сисе, А.А. Зиновьева⁷³, доминирующим фактором, определяющим тенденцию современной трансформации войны, является изменение *статуса субъекта* военного насилия, который принимает решение о целях, средствах и способах войны.

Так, в частности, М. ван Кревельд, подвергает ревизии классическую формулу К. Клаузевица, в соответствии с которой основными участниками войны являются «правительство – армия – народ». Эта формула, по мнению М. ван Кревельда, не действует в современных условиях, поскольку основные ее участники, как правило, отделены друг от друга и имеют разные обязанности и права. Это дало основание цитируемому автору ввести понятие «нетринитарная война»⁷⁴ – война не скованная правилами, предоставляемыми признанным институтом национального государства.

М. ван Кревельд предлагает также и собственную классификацию вооруженных сил по степени технологического совершенства применяемых ими средств ведения боевых действий – это армии «ракет», армии «танков» и армии «ножей». Главным критерием

---

⁷³ См.: Кревельд М. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005; Зиновьев А.А. Глобализация есть новая мировая война. – М., 2006.

⁷⁴ Тринитарная война – содержит как минимум три актора: правительство, которое руководит военной кампанией, армия, которая ведет войну и гибнет на полях сражений, и народ, который ее оплачивает и переносит лишения (по Клаузевицу).

здесь выступает то, что является доминирующим средством поражения. По его мнению, из 130 вооруженных конфликтов в 90% случаев использовались не ракеты и не танки, а ножи.⁷⁵

Исходя из этого, полагает М. ван Кревельд «попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией сталкиваются с большими трудностями», и поэтому войны «старого типа» уходят в прошлое, а войны «нового типа» становятся доминирующими. К новому типу войн данный автор относит «партизанские войны», терроризм, или так называемые асимметричными войны.⁷⁶

Проблемы глобализации и войны достаточно предметно рассмотрены в работах А.А. Зиновьева и З. Баумана. По мнению последнего, например, сама по себе глобализация – это Великая война за мир без границ. В условиях глобализации, отмечает З. Бауман⁷⁷, многие государства вообще не могут выполнять функции. Иными словами, по его мнению, человечество вступило в новую эпоху, в которой старые правила уже не действуют, а новые либо еще не сформировались, либо имеют неожиданные следствия.

С определением новых акторов войны, связаны и военно-теоретические концепции так называемых «партизанских войн». Не вдаваясь в чисто военную проблематику, следует заметить, что между партизанскими действиями и партизанской войной существует принципиальная разница. К первым прибегала и прибегает армия, ведя регулярную войну. Партизанскую же войну в строгом смысле слова ведут автономные и относительно небольшие отряды бойцов (боевиков) против армии противника.

Исследование явления «партизанских войн» началось еще в 60-ые годы XX столетия. Импульс исследованиям в данной области дало широкое развитие национально-освободительных движений в целом ряде регионов мира. Это, соответственно, выдвинуло сформировавшиеся на их основе иррегулярные вооруженные фор-

⁷⁵ См.: Кревельд М. Указ. соч. – С.107.

⁷⁶ См.: Кревельд М. Указ. соч. – С.4.

⁷⁷ См.: Бауман З. Войны эпохи глобализации. // European Journal of Social Theory. – № 4. – 2001.

мирования в качестве достаточно значимых субъектов военной политики и вооруженного противоборства. Стало происходить осмысление самого феномена «партизан». Наиболее авторитетные наработки в этой области были сделаны немецким политологом К. Шмиттом в его труде «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического»⁷⁸. В этой работе К. Шмитт указывает на характерные черты, присущие партизану: «нерегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической ангажированности, теллурический характер».⁷⁹ У К. Шмитта суть «политического» составляет имманентное разделение по линии «друг – враг».

В последующем теорию партизана, разработанную К. Шмиттом, развил новыми идеями американский исследователь Дж. Нагл (основатель контрпартизанской доктрины вооруженных сил США). По его мнению, «Стратегия партизан заключается в избегании прямого противостояния. Поэтому армиям, подготовленным к конфликтам с традиционными противниками, приходится перестраиваться и учиться вести войны совершенно иного типа».⁸⁰

Этой же позиции придерживается и М. Элиот-Бейтман, подготовивший и прочитавший в 1967 году в Манчестерском университете курс лекций о сущности и формах так называемой народной войны. По его мнению, началу каждой новой военной эпохи обычно предшествует появление более совершенного оружия, способного обеспечить победу в войне, например, английский большой лук, танк, атомная бомба. Как утверждал М. Элиот-Бейтман, народная война знаменует собой новую эру в области военных доктрин, поскольку доктрина затяжной народной войны придает большое значение людям, нежели боевой технике.

---

⁷⁸ «Теория партизана» состоит из нескольких лекций, прочитанных К. Шмиттом в 1962 году в университетах Франции и Испании.

⁷⁹ Идея выдвинуть партизан на передний край военной и политической борьбы была также рассмотрена, в 60-х годах XX века, военным теоретиком, полковником Генерального штаба Русской армии Е.Э. Месснером в его исследованиях феномена «мятежевойны». См.: подробнее: Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Месснера // Российский военный сборник. Вып.22. – М.: ВУ, Русский путь, 2005.

⁸⁰ По материалам: Washington ProFile, август 2006.

В отличие от М. Элиот-Бейтмана для большого числа авторов того периода, была характерна тенденция сведения всех видов революционной деятельности к единому знаменателю. Исходя из этого, восстания, бунты, мятежи рассматриваются ими, как части одной центральной проблемы, вызванной противоречиями между тем, к чему люди стремятся, и тем, чего они достигают. Данной точки зрения придерживается в частности американский исследователь Дж. Джонсон, по мнению которого, борьбу с мятежниками следует рассматривать, как проблему решения внутреннего конфликта.

Прямо противоположную позицию в отношении так называемых партизанских войн демонстрирует итальянский ученый А. Пелициа, по мнению которого, «партизанская война», «революционная война», «психологическая война» – все это так называемая «народная война», хотя каждая из этих необычных войн имеет характеристику с отличными от других целями и методами. Народная война означает, борьбу, которую население ведет против вторгшейся армии. Партизанская война, по мнению А. Пелициа, должна вестись вместе с борьбой регулярной армии на основе общего плана операций.

В результате интенсивных исследований различные западные авторы смогли приступить к разработке основ так называемой «доктрины борьбы с мятежами».

Для данной доктрины характерно:

во-первых, условия ее применения обладают исключительной спецификой;

во-вторых, – доктрина помимо военного, включает в себя также социальный, экономический и политический аспекты.

К сожалению, как уже выше отмечалось, именно этот вид противоборства, в том числе с участием иррегулярных вооруженных формирований, в Советском Союзе фактически не исследовался. В последующем же советским войскам пришлось уже непосредственно столкнуться с действиями данных формирований в Афганистане. И, тем не менее, даже этот опыт не был должным образом

исследован. Что, в конечном итоге, негативно отразилось на проведении первой чеченской кампании 1994-1996 годов, завершившейся, как известно подписанием позорных для России хасавюртовских (1996 года), а затем и московских (1997 года) соглашений⁸¹.

Только лишь в ходе проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе в 1999-2001 годах Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации был выполнен ряд научно-исследовательских работ, посвященных теории и практике борьбы с иррегулярными воинскими формированиями.

В целом же следует отметить, что так называемые «партизанские» или «народные» войны являют собой, хотя и не новый, но непривычный тип войн для ведущих государств мирового сообщества, ориентированных на проведение крупномасштабных военных операций. Не случайно поэтому, как считает Ю. Буздуган, «партизанская» война разворачивается лишь в странах с примитивной социально-экономической и политической структурой, каковыми в частности являются Афганистан и Ирак. С учетом же того, что именно в этих странах последнее десятилетие отмечено наибольшей военно-политической конфликтностью и интенсивностью применения вооруженных формирований, в том числе, ведущих государств, есть все основания полагать, что, так называемые, «партизанские» войны в ближайшей перспективе будут оставаться одним из основанных видов вооруженного противоборства, что предполагает необходимость их исследования.

Отчасти данный вывод подтверждается последствиями прошедших в 2011 году в странах Северной Африки «электронных революций» и ходом инспирированной Великобританией и Францией гражданской войны в Ливии, в которой приняли непосредственное участие силы и средства государств, входящих в НАТО.

---

⁸¹ 31 августа 1996 года в г. Хасавюрте было достигнуто соглашение о прекращении военных действий и выводе федеральных войск из Чечни, вопрос о статусе территории был отложен до 31 декабря 2001 года. 12 мая 1997 года в г. Москве был подписан договор «О мире и сотрудничестве» между Россией и ЧРИ.

Вторая достаточно широко распространенная группа военно-теоретических концепций исходит из приоритетной роли высоких технологий в трансформации войны, бурное развитие которых, по мнению представителей данного направления (Э. Тоффлер, З. Бжезинский, В.П. Гулин, М.П. Требин, Б.А. Калинин) революционизирует средства военного насилия и, как следствие, меняет формы войны.

Особого внимания в этом плане заслуживают взгляды одного из наиболее значимых современных теоретиков социального либерализма Э. Тоффлера. В частности, представляет интерес его книга «Война и антивоина»⁸², посвященная проблеме войны, рассматриваемой с точки зрения концепции волн социального развития. Автор утверждает, что «изменения, связанные с распадом Советского Союза, вторичны, а на самом деле глобальная система все равно бы рухнула в сегодняшнюю революционную неразбериху»⁸³. Вследствие этого, как считает Э. Тоффлер, происходит возникновение «на планете новой цивилизации, с которой приходит интенсивное использование знаний для создания богатств, и эта цивилизация делит мир на трое и преобразует всю глобальную систему»⁸⁴. Основных же антагонистов наступившего столетия, по мнению цитируемого автора, будет разделять уровень технического развития, а социальные, экологические и другие последствия этого различия станут причиной войн между странами индустриального и постиндустриального развития.

Думается Э. Тоффлер лишь отчасти прав, выделяя в качестве доминирующего признака уровень технического развития основных акторов военной политики современного периода. Как показывают события последних десятилетий, не столько само техниче-

---

⁸² См.: Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на пороге XXI века. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005; Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ: ПРОФИЗДАТ, 2008.

⁸³ См.: Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на пороге XXI века. – С. 351.

⁸⁴ См.: там же.

ское превосходство, а именно возможность его использования «безнаказанно», без соответствующего адекватного ответа является стимулом непрекращающегося участия США в войнах и конфликтах 90-х годов XX столетия и первого десятилетия XXI века. Тем не менее, данная концепция, открывает достаточно сложный пласт проблем, несомненно, требующих осмысления.

Другая не менее значимая группа военно-теоретических концепций данного направления связана с плодами научно-технической революции 70-х годов XX столетия, особенно в части применения автоматизированного управления объектами (войсками).

Возникновению таких концепций способствовало то обстоятельство, что в трудах некоторых западных идеологов тиражировалась идея сведения сущности войны исключительно к вооруженной борьбе. Так, еще в 70-х годах XX века, английский профессор М. Тринг, ссылаясь на мощь и совершенство современных средств поражения, утверждал, что в будущих войнах люди станут беспомощными зрителями борьбы, которая развернется между роботами армии и флота, авиации и ракетных войск – вне связи с политикой.⁸⁵

По мнению многих экспертов, мир приближается к началу гонки вооружений в сфере использования роботов. Мотивация к увеличению применения беспилотных систем и комплексов, позволяющих снизить возможные потери и повысить конфиденциальность выполнения задач, существенно возросла уже к концу XX века. К настоящему времени уже более 80 типов БПЛА состоят на вооружении 41 страны. 32 государства сами производят и предлагают к продаже более 250 моделей БПЛА различных типов.

В начале XXI века некоторые западные ученые-исследователи пришли к выводу, что можно воевать при помощи армии машин, которые соблюдают все законы войны, и благодаря которым эта война становится более безопасной для человека. Сотрудник американского подразделения британского производителя роботов, ком-

---

⁸⁵ См.: Военная мысль. 1973. – № 1. – С.59.

пании «QinetiQ» Б. Куин, считает, что в будущем на поле боя станут появляться все больше и больше роботов, в том числе и беспилотных. «Чем выше у тебя шанс получить пулю, тем больше ты понимаешь важность вооружений с возможностью удаленного доступа», – отмечает он.⁸⁶ В то же время Б. Куин подчеркивает необходимость сделать так, «чтобы военизированные роботы могли действовать только под контролем военных и никогда – независимо». При этом, как отмечает, П. Зингер, автор книги «Смонтирован для войны», скорость современной войны может затруднить процедуру контроля со стороны человека.

Однако, специалист по военным конфликтам из Лондонской школы экономики Кристофер Кокер, не согласен с таким подходом. «Мы должны верить в человеческий фактор, – говорит он. – К сожалению, военные в своих отчетах нередко рассматривают человеческий фактор как слабое место, но я думаю, что это как раз самое сильное звено».⁸⁷ Компьютеры никогда не смогут в полной мере симулировать «этику войны», то есть образ мыслей и моральные установки профессионального солдата, добавляет он.

Согласно данным, приведенным в газете The Telegraph, при наращивании США, Россией, Китаем и Израилем производства новейшего вооружения, уже через 10 лет мир будет использовать роботов во время сражений. Кроме того, роботы скоро заменят террористов-смертников.⁸⁸

Обращает на себя внимание в этой связи позиция российского военного ученого В. Слипченко, автора книги «Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего»⁸⁹. В этой работе автор представил собственную концепцию «бесконтактной войны»

---

⁸⁶ См.: Могут ли роботы воевать за солдат?/ http://www.bbc.co.uk/russian/science/2010/02/100208_battlefield_robots.shtml

⁸⁷ См.: Роботы вместо солдат. Можно ли воевать при помощи армии машин, которые соблюдают все законы войны? // inforotor.ru/visit

⁸⁸ См.: Telegraph: США, Россия и Израиль ведут мир к войне роботов http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/02/27/n_1184766.shtml

⁸⁹ См.: Слипченко В. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002.

или «войны шестого поколения». Суть ее заключается в том, что победа в войне будущего будет определяться наличием в арсенале сторон высокоточного оружия и систем, обеспечивающих его успешное применение.

При этом все типы войн современности, В.И. Слипченко увязывал только с государством, игнорируя в качестве возможных «носителей» – субъектов войны негосударственные структуры. Главная цель войны (шестого поколения), – как считает автор, – разгром бесконтактным способом экономического потенциала любого государства, на любом удалении от противника. Данной позиции придерживается и исследователь Б. Майоров, считающий, что выиграть в войне можно только с помощью роботов.⁹⁰

В основе развития, так называемого третьего направления военно-теоретических взглядов и концепций, определяющего в качестве доминирующего признака современных войн и вооруженных конфликтов появление новых методов вооруженного противоборства, лежит массовое внедрение в теорию и практику военной деятельности информационно-коммуникационных технологий. Бурное развитие данного сектора экономики послужило предпосылкой появления нового направления научных исследований в сфере прогнозирования и моделирования военных действий в боевом пространстве, получившего название – сетевых или сетецентрических войн.⁹¹

Данная концепция, получившая широкое распространение в последние 5-7 лет, благодаря ее реализации в военном строительстве в США, была разработана американскими военными аналитиками А. Цебровски и Дж. Гарстка. В настоящее время положения концепции активно используются при ведении боевых действий

---

⁹⁰ См.: Майоров Б. Новая эпоха – новые войны!?! // <http://b-i.narod.ru/avn/>

⁹¹ См.: Попов И.М. Сетецентрическая война Пентагона // Независимое военное обозрение. – № 9. – 2004; Раскин А.В., Пеляк В.С. К вопросу о сетевой войне // Военная мысль. – 2005. – № 3; Шеремет И. Компьютеризация как путь к победе в вооруженной борьбе // Независимое военное обозрение. – № 42 (451). – 2005; Дугин.А. Мир охвачен сетевыми войнами // Независимое военное обозрение. – № 4(453). – 2005.

США в Ираке и Афганистане, тестируется на учениях и симуляторах. Разработчики этой концепции убеждены, что в ближайшем будущем она, если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее.

К сожалению, как показывает анализ результатов отечественного военного строительства, система обеспечения военной безопасности России вплоть до настоящего времени не ориентирована на отражение сетевых угроз. Данное обстоятельство предопределяет необходимость детального исследования особенностей подготовки и ведения современных сетецентрических операций и разработки на этой основе симметричной сетевой стратегии. По мнению некоторых ученых, такую войну можно выиграть только сетевыми средствами, адаптировав к современным условиям и целям эффективные и стремительно развивающиеся технологии.

Данная проблема для Российской Федерации, актуальна также и в силу того, что применение в военной сфере современных технологий, в первую очередь, информационных, является предметом конкуренции не только государств, но и различного рода преступных, в том числе террористических группировок. А это означает, что сетевую войну, в том числе против государства могут вести как небольшие группы специально подготовленных кибертеррористов, так и одиночки географически отдаленные друг от друга, но тайно общающиеся между собой в «сетевом» формате.

Теоретической основой такой деятельности является концепция «сопротивление без руководства», лидера американской радикальной организации «Крайние правые» Л. Бима. Согласно этой концепции все члены группы («ячейки-фантомы») действуют независимо друг от друга и никогда не обращаются в центральную штаб-квартиру или к лидерам за указаниями. Предполагается, что они сами обязаны знать, что и как делать, реагируя на конкретные события. Информационную же подпитку они получают через анонимно распространяемые электронные бюллетени и страницы в Интернете. Указанная форма организации, получившая название *networking* помогает экс-

тремистам находить союзников, реализовывать свое влияние, а также осуществлять управление проводимыми операциями.⁹²

Организаторы террористических акций размещают в глобальной сети информацию, посвященную вопросам приобретения, изготовления и применения самодельных взрывных устройств, рекомендации по организации террористических актов (взрыв, поджог), советы по проведению уличных боев, погромов, массовых драк, инструкции по взломам сайтов и т.д. Применение террористами Интернета облегчается тем, что они используют услуги провайдеров других государств для создания своих сайтов. Например, подрывной «Чеченский информационный центр» пользовался услугами американской компании⁹³.

Сравнительно небольшие расходы на пользование Интернетом позволяют практически каждому экстремисту, имеющему компьютер и модем воспользоваться его преимуществами в преступных целях. Так организатор терактов во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке Рамзи Ахмед Юсуф пользовался небольшим дешевым персональным компьютером, на котором он разработал и разослал сообщникам оперативный план осуществления взрывов на самолетах американской авиакомпании над акваторией Тихого океана. Планы терактов хранил в своем компьютере и руководитель террористической организации ХАМАС А.Р. Зайдан, координировавший действия экстремистов в Израиле, Иордании и ФРГ.⁹⁴

Еще одним новым элементом военно-политического противоборства стали так называемые консциентальные войны. Теория консциентальной войны была разработана отечественными учеными В. Потехиным и Ю. Громыко, которые под данным термином

---

⁹² См.: Информационные технологии на службе экстремистов //Специальный выпуск по материалам иностранной печати. – 2000. – №1. – С.48-49.

⁹³ См.: Экстремисты в Интернете как идеологическая составляющая терроризма: проблемы противодействия//Материалы VI научно-практической конференции 2 ноября 2004 года; Борьба с терроризмом в современной России. – М.: Академия управления МВД России. – 2004. – С.24.

⁹⁴ Информационные технологии на службе экстремистов //Специальный выпуск по материалам иностранной печати. – 2000. – №1. – С.51.

понимают войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причем эта вероятность за счет экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо.

Логическая схема ведения консциентальной войны, по мнению указанных авторов, предполагает поэтапную реализацию следующих целей и задач.

Целью первого этапа является внедрение в сознание объектов интервенции актуальных целей, на первый взгляд, легко достижимых, но потенциально с малой вероятностью. Второй, предварительный этап, заключается в индуцировании ожидания достижения цели. Третий этап – этап инициирования ожидания близости реальных перемен. Четвертый этап – этап ложного проектирования – практически совпадает во времени с этапом инициирования ожидания близости перемен. Пятый этап – этап ложных реформ – предполагает решительность и жестокость в исполнении. Последним этапом военных действий в этой войне (операции) является процесс сдвига ценностных ориентиров. Если на первых этапах консциентальной войны намечаемые преобразования заявляются во имя человека, то на последующих – исходные установки и материальные условия жизни, по существу, заменяются на новые, которые ломают существующее миропонимание человека и подводят его к принятию новой реальности бытия.

Как считает В. Потехин, наиболее ярким демонстрационным примером сдвига ценностных ориентиров является мировоззрение российской интеллигенции, особенно ученых, артистов, журналистов, партийных деятелей. Войдя в эпоху перестройки и реформ с благородными, социально – ориентируемыми, но оказавшимися раз-

рушительными целями, она сегодня приняла и реализует, как идеи наживы, спекуляции, обогащения, впрочем, с небольшой вероятностью успеха, так и идеи проституции – своей продажи и предательства государственных интересов⁹⁵.

Как считают указанные выше авторы, Россия находится в самой сердцевине консциентальной войны по «переплавке» родовых, этнонациональных и конфессиональных форм сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что в США уже в 80-х годах прошлого века действовала программа разработки средств и методов оккультной войны или так называемой «нелетальной» войны. Основой этой войны, по мнению Ю. Громыко, является борьба в области духа и сознания – «mind war»⁹⁶, нацеленная на разрушение ума.⁹⁷ При этом «...оружие по разрушению ума, как считает указанный автор, призвано поражать без разбора друзей, врагов и нейтралов по всему миру, и не примитивными листовками, разбрасываемыми на передовой, и не через громкоговорители агитотрядов спецпропагандистов, и не слабыми, неточными и узконаправленными средствами психотроники, но с помощью средств, находящихся в распоряжении США, и способных достичь буквально любого человека на Земле»⁹⁸. Таковыми, как считает Ю. Громыко, являются электронные СМИ, телевидение и радио. Развитие спутниковой связи, техники видеозаписи и оптоволоконной технологии позволило проникать в умы людей по всему миру с такой силой, что раньше невозможно было и представить.

Любая война подразумевает целью разрушение того субъекта, который может ставить стратегические цели. Консциентальная война – это война, связанная с переделкой, взломом сознания противоположной стороны. Такая форма противоборства, по мнению цитируемых выше авторов, становится ключевой в современном мире.

---

⁹⁵ См.: Потехин В. Консциентальная война. URL: <http://chomsky.narod.ru/kom56/prop/pkon.htm>

⁹⁶ Авторство термина «mind war» принадлежит Ю.Громыко.

⁹⁷ См.: Громыко Ю. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания – важнейшая проблема идеологии нашей страны // URL:<http://www.km.ru/ideology/index.asp?data=02.05.2006%2014:00:00&archive=on#1>

⁹⁸ См.: там же.

Причем ставить и осуществлять стратегические цели могут не только элиты; субъектом может быть народ или цивилизация. Таким образом, консциентальная война в условиях цивилизационного противоборства, – это возможность наносить такие удары и уроны, чтобы стала возможна цивилизационная перевербовка. В результате этого, отпадает необходимость захвата территорий: ведь граждане добровольно принимают сторону противника.

Впервые эти тенденции обозначились в период биполярного противостояния периода «холодной войны», завершившейся, как известно, распадом СССР. Развитие современных политических процессов свидетельствует о том, что «консциентальные» действия в отношении России не только не утратили своей остроты, но и еще более обострились. Подтверждением тому, например, является сетка телевизионного вещания ряда российских телеканалов.

Разновидностью консциентальной войны является, очевидно, также и такое явление как стратегия «ненасильственных политических действий». К осмыслению феномена ненасилия, общефилософских, политических, социологических, психологических и других концепций, выстроенных на его основе, обращалось большое количество отечественных и зарубежных ученых. К таким работам можно отнести труды Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, С.В. Девяткина, Дж. Шарпа, М.Т. Степанянца, и ряда других авторов.⁹⁹ Хотя ненасильственные действия – это не война.

Особое внимание следует уделить теории, разработанной Дж. Шарпом, которого называют идеологом «ненасильственных политических действий»¹⁰⁰. По словам самого Дж. Шарпа, нена-

---

⁹⁹ См.: Апресян Р.Г. Политическая социология ненасилия Дж.Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 8. – М.: Центр конфликтологии, 1995; Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1993. – № 3; Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – № 6; Степанянц М.Т. Философия ненасилия: уроки Ганди. – М.: Знание, 1992; Девяткин С.В. Искусство сатьяграхи // Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки. – М.: Аслан, 1996; Шарп Дж. Общественная самооборона: система вооружения в эпоху постмилитаризма. – Вильнюс, 2002; Он же. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н.Козловской, – М.: Новое издательство, 2005.

¹⁰⁰ См.: Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н.Козловской. – М.: Новое издательство. 2005.

сильственная борьба представляет собой политическую технику, включающую социальные, психологические, экономические и политические методы воздействия на «оппонента». Она включает около 200 методов символического протеста, социального несотрудничества, экономических бойкотов, трудовых забастовок, политического несотрудничества и мирного вмешательства (которое может варьироваться от сидячего протеста до создания параллельного правительства). Обращает на себя внимание то, что подобного рода «ненасильственные действия» фактически воспроизводят технологии «стимулирования народного гнева» – прием достаточно отработанный в мировой политике и представляющий собой ни что иное, как прямую и косвенную поддержку деятельности ангажированной оппозиции в процессе достижения ею власти на государственном уровне.

В этом плане обращает на себя внимание появившийся в конце декабря 2000 года в Интернете доклад Центрального разведывательного управления США «Глобальные тенденции 2015: диалог о будущем с неправительственными экспертами», в котором в разделе «Национальное и международное сотрудничество» делается прогноз о снижении способности национальных правительств контролировать негативные социально-экономические процессы в своих странах, такие как рост безработицы, бедности, межнациональных конфликтов. Выход ЦРУ видит в региональных объединениях, позволяющих обеспечить «оперативное установление партнерских связей между правительствами стран-регионов, которые смогут более эффективно подключить к решению назревших проблем новые технологии, а также негосударственные объединения в виде различного рода организованных общественных групп давления на правительства».

На практике данные технологии реализуются в ходе, так называемых, «бархатных» или «цветных» (розовых, оранжевых, тюльпановых и др.) «революций». И хотя подобного рода действия не связаны напрямую с использованием вооруженных сил, военного

насилия как такового, тем не менее, их с полным основанием можно отнести к категории военно-политического противоборства, поскольку конечной их целью является нанесение поражения своему потенциальному противнику. Другими словами, на практике осуществляется, знаменитый тезис Сунь-цзы, в соответствии с которым «лучшая война – эта та, победа в которой достигается без применения силы, путем использования всех других средств».

Отдельного внимания заслуживают взгляды ученых и военных теоретиков относительно использования в военных целях природной среды.

Так, например, в печати, еще в середине 70-х годов XX столетия, появились публикации, посвященные проблеме геофизической войны. Под геофизической войной в них понималось преднамеренное использование сил природы в военных целях путем активного воздействия на окружающую среду и на физические процессы, протекающие в твердой, жидкой и газовой оболочках Земли¹⁰¹. Тогда считали, что посредством использования разработанного в научных лабораториях геофизического оружия будут вызываться различного рода природные бедствия. В случае применения геофизического оружия война будет выглядеть, как катаклизмы разбушевавшейся природы.¹⁰²

В 2010 г. появились новые идеи. Так учёный, физик-теоретик Н. Левашов считает: «Если говорить о чисто метеорологическом оружии, это весьма простая система: надземные мощные излучающие антенны, синхронные орбитальные спутники, на них находятся приёмные антенны, которые переизлучают сигнал, полученный со станций».¹⁰³ Бывший военный синоптик Н. Караваев, выдвинул, например, гипотезу о возможном применении против России так на-

---

¹⁰¹ См.: Радченко Г. Геофизическая война // Морской сборник. – 1973. – № 9; Жаров В. Геофизическая война и ее последствия // Военный сборник. – 1976. – №1.

¹⁰² См.: Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог, 2001. – С. 67.

¹⁰³ См.: Война с нами идёт уже давно... URL: http://ru-an.info/news_content.php?id=254 (31.07.10).

зываемого климатического оружия, использующего в качестве поражающих факторов природные явления, которые инициируются искусственно, – ураганы, засухи, ливневые дожди, наводнения, циклоны, антициклоны, смерчи и пр.¹⁰⁴ Но, эти подходы не отражают сути войны.

Наряду с угрозами распространения оружия массового поражения, осуществления террористических актов, возникновения межэтнических конфликтов, по мнению исследователя В. Андреева, существуют экологические угрозы. Генерированные экологические катастрофы происходят в результате экологических войн и террористических (диверсионных) актов с экологическими последствиями – что называется экологической войной. От обычной войны экологическая отличается реализацией специальных разработанных операций, включающих применение конкретным способом ведения боевых действий, направленных на тотальное широкомасштабное поражение природной среды, уничтожение экосистем на территории противника.¹⁰⁵

Хотя еще в 1977 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе СССР приняла «Конвенцию о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду», тем не менее, как показывает анализ хода целого ряда вооруженных конфликтов, противоборствующие стороны нередко прибегают к возможностям влияния на природную среду, предполагая тем самым нанесение максимального ущерба не войскам противника, а населению с тем, чтобы заставить его воздействовать на правительства своих стран.

Известный норвежский философ-моралист Х. Сисе, автор книги «Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах»¹⁰⁶, рас-

---

¹⁰⁴ См.: Против России применено климатическое оружие. Жара, засуха, ультрафиолет - поражающие факторы новейших боевых космических систем URL: <http://svpressa.ru/society/article/28154/> (25.07.10).

¹⁰⁵ См.: Андреев В.Г. Экологическая война как техногенная экологическая катастрофа // Военная мысль. – 1999. – № 4. – С.14.

¹⁰⁶ См.: Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. – М.: Издательство «Весь мир», 2007.

смаатривает этические аспекты войны и правомерность применения военной силы. Опираясь на классическую концепцию «справедливой войны», восходящую к европейскому Средневековью, автор освещает моральную и правовую стороны вооруженных конфликтов современности, все основные аргументы, используемые в теоретических спорах и политических дискуссиях на эту тему, а также рассматривает нравственные аспекты международной политики и применения силы.

Существует исследовательская концепция интерпретации связи войны и насилия, согласно которой насилие является родовым признаком войны, конкретизирующимся через масштабы (число жертв и пр.) и выполняемую войной функцию. Так, современный философ и психолог А. Минделл пишет: «Под войной всегда понималась форма насилия, которая меняет распределение власти в мире через убийство миллионов».¹⁰⁷ В этой достаточно емкой дефиниции войны выделено несколько принципиальных для ее понимания признаков. Во-первых, война – это одна из форм насилия. Во-вторых, от других форм насилия войну отличает выполняемая ею функция: война меняет распределение власти в мире. В-третьих, войну отличают массовые многомиллионные убийства. Для А. Минделла, война предполагает убийство миллионов. Однако по этому показателю многие войны прошлого не будут зачислены в разряд войн, поскольку в силу разных причин в них не было такого количества жертв.

Противоположной точки зрения на сущностную природу войны придерживаются некоторые зарубежные авторы.

Так, в частности, американская исследовательница Л. Томсон, автор книги «Конфликт низкой интенсивности: Модель войны в современном мире», пришла к выводу, что все современные конфликты уникальны, и они развиваются по принципиально различным сценариям. В них, по ее мнению, сплетаются экономические,

---

¹⁰⁷ См.: Минделл А. Сидя в огне: Преобразование больших групп через конфликт и разномобразие. – М., 2004. – С.276.

политические, религиозные, этнические, криминальные мотивы¹⁰⁸. Современные войны могут сопровождаться активными боевыми действиями, партизанской войной или актами террора. Данные конфликты, по мнению Л. Томсон, менее кровавы, чем «традиционные» войны, но в отличие от обычных вооруженных конфликтов между двумя государствами, которые, как правило, заканчиваются в течение короткого времени, эти конфликты могут тянуться годами, десятилетиями и даже столетиями. В результате, число жертв и разрушений зачастую превышает количество жертв и разрушений в ходе «традиционных» войн.

Таким образом, для зарубежных исследований природы и сущности современной войны характерно отсутствие единства в трактовке этих основных положений. Следует отметить, что такое свойство присуще и отечественным современным исследованиям. Так, например, в работах ведущих российских ученых в этой области М.А. Гареева, В.В. Серебрянникова, М.Н. Шахова и некоторых других ученых в качестве объектов военно-социологической науки определяются «война» и «мир» как глобальная система взаимосвязанных социальных отношений, изменение и обновление которых обнаруживает адаптивную способность войны к изменяющимся условиям современности. По мнению указанных исследователей, это приводит к появлению новых форм войны и новых субъектов военного насилия.

При этом вооруженная борьба, полагают названные авторы, продолжает оставаться главным признаком войны.¹⁰⁹ По мнению М.А. Гареева, например: «основная суть специфики войны, главный ее признак – в применении вооруженного насилия. Война в подлинном ее смысле связана с военными действиями. Войны с применением одних лишь невоенных средств, по мнению указанного автора,

---

¹⁰⁸ См.: «Традиционная» война стала раритетом // URL: <http://www.rol.ru/news/misc/newsreg/04/05/27>

¹⁰⁹ См.: Серебрянников В.В. От воинственности к миролюбию // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 81-88; Гареев М.А. Если завтра война. – М.: ВЛАДАР, 1995. – 239 с.

не может быть».¹¹⁰ В то же время М.А. Гареев не отрицает влияния таких форм борьбы, как экономическая, идеологическая, психологическая, информационная и др., они приобретают совсем иной, более ожесточенный и разрушительный характер.¹¹¹

Оппонентами М.А. Гареева по данному вопросу выступают такие ученые как: М. Борчев, В.П. Гулин, А. Капитанец, по мнению которых, война и вооруженная борьба являются самостоятельными средствами политики, а потому война может протекать без вооруженной борьбы. При этом данные авторы солидарны с тезисом, что на смену кровавым приходят «бескровные», «небольшие», «цивилизованные» войны», в которых цели достигаются не в результате прямого вооруженного вмешательства, а путем применения альтернативных форм насилия: экономического, информационного, психологического, дипломатического. В частности, по мнению В.П. Гулина «войну отличает не форма насилия, а такие основные ее сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге иная их расстановка»¹¹². Данный автор считает, что концепция тотальной войны, сохранившаяся в основе стратегических установок многих государств мира, в том числе России, изжила себя, стала анахронизмом. По его мнению, мир вступает в полосу войн нового поколения, направленных не на непосредственное уничтожение противника, а на достижение политических целей без сражения массовых армий. Вторя ему, М. Борчев считает, что «война как самостоятельное общественно-политическое явление не всегда связана с вооруженной борьбой, но всегда является исключительным средством достижения политических планов».¹¹³

---

¹¹⁰ См.: Гареев М.А. Характер войн будущего // Право и безопасность. – 2003. – № 1-2.

¹¹¹ См.: там же.

¹¹² См.: Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. – 1997. – № 2. – С.14

¹¹³ См.: Военная мысль 1993. – № 12. – С.38

В контексте приведенных мнений достаточно интересны результаты исследования политического содержания войны в современную эпоху отечественного исследователя Д. Балужева, по мнению которого война, в начале XXI века снова вернулась в политический арсенал государств, противоборствующих на международной арене. Точнее, она, по его словам, снова стала занимать в нем гораздо большее место, чем то, которое было характерно для десятилетий «конфронтационной стабильности» в биполярную эпоху. Реанимировался взгляд на войну как, прежде всего, на политический акт, а не на простое столкновение вооруженных сил противников»¹¹⁴. Д. Балужев утверждает, что «война перемещается (вернее – возвращается) из сферы собственно военного планирования в сферу политики. Заметен процесс (ре-) интеграции военных инструментов во внешне-политический арсенал ведущих государств и негосударственных игроков международной политики. В этой связи автор предлагает рассмотреть три группы факторов для уяснения изменений природы войны и ее места в текущей мировой политике: технологические, информационно-психологические и собственно политические аспекты войны. Уточнить представления об особенностях современной войны автор предлагает с помощью, так называемого фактора асимметрии.

Подходы к исследованию последствий войн намечены в работах известного российского военного ученого, профессора А.С. Тюшкевича¹¹⁵. Эти работы, по мнению авторов настоящего издания, дают богатый материал для разработки общей методологии исследования всего многообразия войн.

Небольшое изменение ракурса видения исторической роли войны отмечается в работах отечественного исследователя В.И. Корчмит-Матюшкова, считающего, что в выполняемых современной войной функциях появляется экзистенциальный отте-

---

¹¹⁴ См.: Политика в войне постиндустриальной эпохи // Политические процессы. – 2005. – № 3.

¹¹⁵ См.: Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. – М.: Книга и бизнес, 2002.

нок: «Война XXI века будет представлять собой перераспределение ролей стран как органов единого организма Планеты в интересах выживания человечества».¹¹⁶

Другой российский ученый-аналитик, руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа А.Д. Цыганок считает, что «прошедшие в последние полтора десятилетия войны и конфликты позволяют делать некоторые выводы для перспектив развития военной политики России. За все годы новой российской истории ни в политической, ни в военной элите не выработалось понимание того, что Россия – отнюдь не усеченный СССР. У России другие границы, цели, партнеры и союзники. У другого государства другие возможности и другие угрозы. Складывается мнение, что у России нет четкого понимания к каким угрозам, к каким войнам необходимо готовиться».¹¹⁷

Поддерживая тезисы об изменении природы современных войн и военных конфликтов, известный российский политолог К.С. Гаджиев отмечает, что в настоящее время государство теряет монополию на насилие. «Право применения насилия явочным порядком взяли на себя негосударственные организации и группировки».¹¹⁸

Таким образом, сравнивая взгляды отечественных и зарубежных авторов относительно эволюции природы и сущности войны на современном этапе, можно отметить следующие различия.

Прежде всего, российские ученые в решении проблем войны исходят из теории насилия, а западные теоретики склонны рассматривать проблему с позиции конфликтологии.

Другим важным отличием в подходах является то, что представителями отечественной мысли приоритет отдается выделению социально-политических, а, западной – военно-технических и геополитических основ.

---

¹¹⁶ См.: Корчмит-Матюшов В.И. Назначение войны. – М., 2000. – С. 171.

¹¹⁷ См.: Российская армия 2040 года // Русский журнал 1 Апреля 2006 / URL:www.rus.ru.

¹¹⁸ См.: Гаджиев К.С. размышления о тотализации войны: политико-философский аспект // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 3-22.

В то же время общим, как для отечественных, так и зарубежных исследователей является констатация произошедших в последние десятилетия изменений, кардинально отразившихся на самом феномене войны. Это касается, прежде всего, трансформации причин войны и, соответственно, отношения к ним; появление новых акторов войны в лице наднациональных и региональных образований, межгосударственных экономических, политических и военных блоков, транснациональных экономических и финансовых корпораций и других негосударственных структур; а также появления новых средств и методов войны.

Таковы, на взгляд авторов, краткое содержание и характеристики новых основных концепций войны. Несомненно, рассмотренные выше концепции войны не составляют их исчерпывающий перечень, его содержание может быть существенно дополнено в интересах более подробного научного анализа данного феномена.

В этой связи интересными и плодотворными являются, например, попытки современных отечественных исследователей проанализировать существующие современные научно-теоретические конструкции, в которых разработчики излагают содержание и особенности войн нового поколения.

В частности, примечательна статья М.М. Курочко «Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы»¹¹⁹ в которой автор представляет собственный оригинальный подход к оценке сущности и содержания современных войн.

По мнению М.М. Курочко, в уточненных современными авторами определениях войны, сохраняется классическое определение войны. Однако акцент в этих определениях делается на том, что в настоящее время насилие не сводится к физическому насилию, что в современных условиях появляются новые формы и способы насилия. На основе проведенного анализа исследователь делает ряд выводов, в которых с одной стороны подтверждает тезис о

---

¹¹⁹ См.: Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы//Проблемы безопасности: неклассические войны современности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI», –2008. – № 3. – С. 3–25.

войне как продолжении политики иными, а именно насильственными средствами, отмечая, что классическое определение войны акцентирует внимание на физическом вооруженном насилии. Вместе с тем, по мере развития человека появляются новые формы, способы и средства вооруженного насилия. Это, как справедливо отмечает М.М. Курочко, требует определенной коррективы в определении и классификации войны.¹²⁰

Война – это сложное, многогранное, многоуровневое социальное явление, обусловленное многогранностью, многоуровневостью человека. Отталкиваясь от принципа структурного деления человека (тело-душа-дух), общества и мироздания (вещество-энергия-информация).

По мнению автора, можно выделить два типа войн: классические и неклассические. В классической войне объектом поражения выступает телесность человека, а на уровне общества – его материально-техническая база, материальные ресурсы. Неклассическая война – тип войны, в которой объектом поражения являются сознания индивида и общества во всех своих формах и структурах с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущихся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. Видами неклассической войны следует считать информационно-психологическую, консциентальную, мятежевойну, экономическую и др.

При этом исследователь замечает, – признание данных войн в качестве таковых связано с тем, что вооруженным насилием признается насилие, вооруженное физическим оружием, а в качестве оружия признается опять-таки только физическое, материальное оружие. Но насилие может быть и психологическим, и информационным, и организационным и др. Характер оружия может меняться в зависимости от объекта поражения.¹²¹

---

¹²⁰ См.: Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы//Проблемы безопасности: неклассические войны современности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI», –2008. – № 3. – С. 24.

¹²¹ См.: Там же. – С. 25.

Таким образом, особенностью неклассических войн заключает автор, является то, что их основой во многом является знание социально-гуманитарное, в отличие от войн классических, в которых доминирующим является знание естественнонаучное.

В данной связи, по нашему мнению можно согласиться с тем тезисом, что непризнание в качестве войны, войн информационной, психологической и др. как разновидностей неклассического типа войны снижает в общественном сознании их реальные угрозы и ослабляет мобилизацию отдельной личности и общества к защите от поражающих факторов информационного, психологического и другого оружия.

По нашему мнению, принципиально важным для настоящего исследования является также выделение следующих особенностей современных войн:

- качественное изменение самих средств ведения войны (ядерное оружие, высокоточное оружие);
- локализация применения средств вооруженной борьбы, т.е. некоторое снижение опасности мировой войны и резкое увеличение угроз региональных войн и военных конфликтов;
- сокращение времени подготовки, развязывания и ведения войн (в силу поддержания войск в постоянной боевой готовности, наличия современного вооружения и техники, возможности мобильной переброски личного состава и средств ведения войн).

В целом результаты настоящего исследования подтверждают обоснованность позиции отечественного ученого О.А. Белькова, по мнению, которого «изменение содержательного наполнения привычного понятия требует переосмысления производных от него и связанных с ним терминов».

По оценке данного автора, «если война утрачивает связь с вооружённой борьбой, становится «невоенной», то требуют переосмысления или упразднения многие понятия, в том числе закреплённые в международном праве, такие как комбатант, воюющая сторона, гражданское население, агрессия, театр военных действий».

вий, оккупация, военная политика, военная безопасность, военные действия, военнопленный, военная операция, боевая подготовка, военное положение, законы военного времени, мирный договор, защита Отечества, военное строительство, военная организация, военная экономика, военный бюджет и военные расходы, финансирование вооружённых сил и т.д.¹²² Все эти понятия, как считает профессор О.А. Бельков, «теряют смысл или получают совершенно иное, противоположное содержание»¹²³.

Несомненно, важнейшей спецификой восприятия феномена современной войны стали попытки охватить в рамках понятия «война» множество событий нашей действительности, которые зачастую войной и не являются. В публицистике, науке и политике получает распространение расширительное толкование понятия войны, при котором собственный смысл этого термина подменяется его переносным значением (любое состояние вражды, острой конфронтации и противоборства между отдельными лицами, группами или институтами). При этом подвергаются ревизии оба существенных признака войны как продолжения политики насильственными средствами (оружием)¹²⁴. Кроме того, в комплексе наук отсутствует единство в понимании ее как социального явления. Под термином «война» подчеркивается острота возникших противоречий, а не способ деятельности по их разрешению.

По нашему мнению, важным фактором, определяющим специфику формирования концепций современных войн, во-первых, является институализация в них новых политических акторов – наднациональных и региональных образований – межгосударственных экономических, политических и военных блоков, а также транснациональных экономических и финансовых корпораций, непризнанных мировым сообществом государств, народов и террито-

---

¹²² См.: Бельков О.А. Понятие «война» и его аберрации в отечественном дискурсе // Власть. – 2009. – сентябрь. – С. 7.

¹²³ См.: там же.

¹²⁴ Цит. по: Бельков О.А. Война: инвариантная сущность и множество ее интерпретаций // Бюллетень НИЦ «Наука-XXI». Проблемы безопасности». – 2009. – № 5. – С. 4.

рий, борющихся за самоопределение, организованной в национальном и международном масштабе преступности и др. Тем самым в содержании данных концепций вольно либо невольно осуществляется дисперсия понятия силы, при этом ее распространение часто не поддается сколько-нибудь реальному контролю со стороны государств или международных организаций.

Во-вторых, в современных концепциях эволюционирует политическое содержание войн (целей, форм, последствий). С другой стороны, – появление новых социальных, политических феноменов и научно-технологических факторов, связанных с транснационализацией и глобализацией жизни современного человечества, так или иначе, изменяли и научное представление о будущем войны и войнах будущего. Данное обстоятельство обуславливало изменение роли субъектов мировой политики, которые при определенных обстоятельствах могут стать инициаторами, организаторами или участниками глобальной или крупной региональной войны.

Таким образом, представленный выше анализ эволюции взглядов на сущности и содержание войны свидетельствует о тенденции их существенного изменения и адаптации к складывающимся политическим реалиям. Что позволяет говорить об инвариантности сущности войны, а данное обстоятельство, в свою очередь, требует последующего системного анализа данного явления.

В целом современный период истории, усложняющаяся геополитическая картина мира, потребности создания стабильной системы международной и региональной безопасности, диктуют необходимость поиска новых подходов к исследованиям войны, формированию новых концепций и военно-теоретических взглядов на способы и методы разрешения межгосударственных и международных противоречий средствами вооруженного насилия. Налицо необходимость углубленного военно-политического осмысления сущности и содержания различных концепций войны, с учетом изменившихся реалий, как в мире, так и в российском обществе. Все это подтверждает тезис о том, что комплексный научный анализ природы и

сущности войны в условиях динамичных изменений в мире и обществе представляет собой важный инструмент познания, а дальнейшее совершенствование методологии военно-теоретической науки и придание ей фундаментального и прикладного характера, выступают как актуальные задачи отечественных ученых-исследователей.

Таким образом, особенностью коренных изменений в военно-политической практике на рубеже XX–XXI столетий стали не только радикальные изменения военно-промышленного и популяционного потенциала ведущих мировых держав, но и очередная трансформация взглядов ученых исследователей на сущность и цели войны. Это нашло отражение в работах как отечественных, так и зарубежных ученых, отражающих разнообразные военно-теоретические подходы (идеи, взгляды), лежащие в основе целого ряда современных концепций войны.

Вместе с тем, определяющим признаком войны и в современных условиях остается военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага и подчинения его своей воле. Данное обстоятельство обуславливает инвариантную сущность войны как явления общественно-политической и исторической практики.

Анализ представленных концепций и взглядов позволяет сделать вывод о том, что проблема осмысления войны носит и продолжает носить всеобъемлющий характер. Изучение эволюции взглядов на войны позволяет заключить, что в военно-теоретических исследованиях, в частности, в рамках политологии, следует сделать обратить внимание на то, что их возникновение не могло протекать иначе, как в контексте общего развития политологии как науки вообще. С другой стороны – специфика объекта исследования (война), накладывает определенный отпечаток на периодизацию его развития, связанный, в первую очередь, с этапами ведения новейших войн, социальных потрясений в истории человечества и процессами осмысления их сущности, причин и последствий влияния на национальную безопасность.

Особую значимость в современных условиях обретают тенденции усиления внешнего воздействия на политику суверенных государств посредством, так называемого невоенного или «гуманитарного» воздействия. Не являясь на практике проявлением открытого вооруженного противоборства, тем не менее, они оказывают значительное влияние на результаты международного соперничества.

В дальнейшем пристального внимания исследователей, как полагают авторы, заслуживает более глубокий анализ "нетипичных" войн, вырастающих из этнических, религиозных, клановых, территориальных и других противоречий, связанных с терроризмом, организованной преступностью.

Глава 3.

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ВОЙНУ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ И В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Проблемы, связанные с разработкой и реализацией военно-теоретических взглядов на войну актуальны не только для современной России, но и для большинства ведущих государств мира. С началом XXI века в авангарде разработки и практического применения современных концепций войн и военных конфликтов, по мнению ряда отечественных и зарубежных аналитиков, идут США и Китай. Глубокие научные исследования и эксперименты в рамках реализации научно-исследовательских прогнозных и опытно-конструкторских работ, планов и программ строительства и развития вооруженных сил и их отдельных компонентов осуществляются в Великобритании, Франции, ФРГ, Индии, а также в ряде других государств, где задачи создания и развития вооруженных сил, способных отвечать военным вызовам XXI века, отнесены к разряду приоритетных, а их решение считается одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности.

Последовательно и целенаправленно осуществляется деятельность по разработке, апробации и практическому внедрению результатов перспективных военно-теоретических концепций и взглядов на войну в Соединенных Штатах Америки. Отметим, что после

Второй мировой войны в американской политической мысли получила развитие и реализацию теория политического реализма, в центре внимания которой – увеличение роли силы в международных отношениях в целях реализации интересов соответствующего субъекта. Уже в 1943 году американские военные приступили к составлению планов послевоенного устройства мира, в которых ключевое место отводилось военным базам, которые должны были появиться в стратегически важных регионах мира. Изобретение атомной бомбы и технологическая революция привели к созданию такого оружия, использование которого лишало некогда спокойные, благодаря своей удаленности, Соединенные Штаты привычного ощущения безопасности. Наиболее очевидным это стало после того, как в 1953 году Советский Союз провел успешные испытания термоядерной бомбы, опередив американских ученых в создании так называемой «супербомбы».¹²⁵ В это время среди американских экспертов, заметную роль начинают играть гражданские аналитики, сторонники более рационального взгляда на решение проблем национальной безопасности. Именно им принадлежит инициатива в развитии таких военно-теоретических концепций, как уязвимость стратегических сил, гибкое реагирование, ограниченная ядерная война, эскалация ядерного конфликта и целого ряда других. Примечательно, что одним из первых стратегию ограниченной войны предложил Г. Киссинджер, выступивший с критикой доктрины массированного возмездия, принятой администрацией Д. Эйзенхауэра. В предложенной стратегии Г. Киссинджер видел более подходящее сдерживающее средство, чем обычная война. Автором же теории «эскалации» можно считать известного аналитика из Гудзонского института Г. Кана, считавшего, что через метафору «лестница/шкала эскалации» можно понять насильственный характер международных отношений. Г. Кан использовал метафору «лестница», чтобы пред-

---

¹²⁵ См.: Рымник М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. университета, 2004. – С.32.

ставить шкалу из множества выбора конкретных действий, ранжированных от менее враждебных до наиболее агрессивных форм проявления. В соответствии с этой шкалой, по мнению Г. Кана, стратег может выбрать любую акцию в зависимости от ожидаемого результата и характера международной обстановки¹²⁶.

В целом военно-силовой детерминизм в подходах к обеспечению национальной безопасности продолжал доминировать в США вплоть до конца 60-х годов прошлого века. Импульсом к переосмыслению парадигмы национальной безопасности США стал Карибский кризис, продемонстрировавший реальную опасность военного противостояния между ядерными сверхдержавами, а неудачи военной операции во Вьетнаме заставили американских специалистов задуматься об эффективности использования военной силы при разрешении проблем национальной безопасности, а также в определении сфер и пределов распространения национальных интересов.

Сам факт существования потенциального противника, способного нанести урон безопасности США, предопределял достаточно сдержанную позицию американского руководства в области военного планирования, увеличения масштабов и расширения спектра вооружений, интенсивности развития компонентов военной организации государства и военного строительства в целом.

В дальнейшем концепция политического реализма, наряду с изменением соотношения сил на мировой арене в связи с существенными сдвигами на геополитическом пространстве в результате распада СССР, предопределила расширение участия Соединенных Штатов в мировых процессах и выработку ими новой шкалы национальных интересов, выходящих далеко за пределы национальных границ. Американские политики и политологи заговорили об установлении беспрецедентного доминирования США в мире, появлении «американской империи» в духе «*Pax Americana*». Модным стало сравнение роли современных США с ролью Римской и Британской

---

¹²⁶ См. Рымник М.И. Указ. соч. – С.32-33.

империй в истории человечества. Соединенные Штаты, по обоснованным оценкам целого ряда ученых-исследователей, политиков и военных, приобрели военное доминирование, которое по своей совокупности сравнялось с океанской мощью «Пакс Британника» и сухопутной мощью имперского Рима периода его расцвета.

Данные обстоятельства создали условия для начала нового этапа в разработке и реализации военно-политических концепций, начавшегося на рубеже XX–XXI столетий в США. К этому времени в американском стратегическом планировании возродились концепции достижения победы в региональных конфликтах высокой степени интенсивности. В соответствии с этой установкой с началом нового тысячелетия США приступили к всестороннему реформированию вооруженных сил.

По мнению некоторых ученых-исследователей, в современных военно-теоретических взглядах на войну, содержащихся в документах военного планирования и реализующихся в практике американского военного строительства нашли свое отражение целый ряд новых тенденций в военном деле. Среди них, в частности, российские военные эксперты В.И. Евдаков и В.Б. Домрачев, отмечают:

– значительное повышение напряженности и темпа ведения военных действий, что потребует более высокого, чем прежде, уровня взаимодействия всех видов вооруженных сил, нашедшего свое отражение в концепциях «объединенных сил», «экспедиционных формирований» и ряде других, основанных на широком применении автоматизированных боевых информационно-управляющих систем и ВВТ, созданных на основе последних технологических достижений;

– стремление к первоочередному достижению информационного превосходства над противником как одного из основных условий успешного ведения военных действий, что свидетельствует о повышении роли информационного обеспечения, фактически превратившегося из вида оперативного (боевого) обеспечения действий войск в важнейшую составляющую вооруженной борьбы;

– трансформация в период до 2015–2020 гг. логико-временного построения операции, выделение в ее структуре логической последовательности этапов, выстроенных по степени важности и обеспечивающих эффективное достижение целей военных действий на фоне непрекращающегося информационно-психологического воздействия на население и вооруженные силы противника;

– расширение пространственной сферы ведения военных действий, предоставляющее возможности всеобъемлющего воздействия на противника одновременно в воздушно-космическом пространстве, на суше и на море, в информационной сфере на всю глубину его территории (оперативного построения сил) и с различных направлений;

– сохранение «операции» как главной и основной формы ведения военных действий, появление новых видов операций (космических, противоракетных, информационно-психологических, радиоэлектронно-огневых, роботизированных и др.);

– переход от количественных критериев расчета соотношения боевых возможностей к качественным, выход на ведущее место соотношения по высокоточному оружию, оружию на новых физических принципах;

– относительное снижение роли наземных сил в достижении целей военных действий и выход на первый план видов вооруженных сил, на вооружении которых имеется высокоточное оружие и оружие на новых физических принципах (военно-воздушные, военно-морские, космические силы, а также войска радиоэлектронной борьбы);

– сокращение сроков выполнения боевых задач и общего времени проведения операции, связанное с высокой эффективностью оружия;

– уменьшение нарядов высокоточных сил и средств поражения, необходимых для решения типовых задач, непосредственно влияющее на необходимость и масштабы применения ядерного оружия;

– усиление централизации и автоматизации управления, с одной стороны, и децентрализации исполнения (предоставление нижестоящим командирам полной самостоятельности при выборе сил, средств и способов действий) – с другой;

– появление новой концепции ведения военных действий в едином информационном пространстве с использованием объединенных информационно-управляющих сетей и формирования высокой сетевой архитектуры – глобальные и локальные информационные сети.

При этом подчеркивается, что в соответствии с национальной военной стратегией США применение группировок американских вооруженных сил должно осуществляться в соответствии со следующими принципами:

– военная сила должна применяться решительно и целенаправленно, что требует заблаговременного и тщательного анализа обстановки;

– вооруженные силы должны применяться комплексно в интересах максимального использования уникальных возможностей каждого вида вооруженных сил;

– применение вооруженных сил США предпочтительно в составе военно-политических союзов или коалиционных группировок войск (сил).¹²⁷

В целом, за счет создания и принятия на вооружение новых боевых и обеспечивающих систем и средств планировалось существенно повысить способность вооруженных сил вести решительные боевые действия и достигать всеобъемлющего превосходства над любым противником. В то же время каждый из них должен применяться в боевой обстановке по своему предназначению и служить инструментом, усиливающим возможности человека в бою.

Анализ результатов нового этапа военного строительства и развития американских вооруженных сил свидетельствует, что для

---

¹²⁷ См.: Евдаков В.И., Домрачев В.Б. Взгляды на применение вооруженных сил США в войнах начала XXI века//Вестник академии военных наук. – № 2. – 2008.

достижения целей национальной военной стратегии и решения задач, определяемых военной стратегией, США руководствуются, в частности, такими стратегическими концепциями, как «стратегическая гибкость», «передовое присутствие», «проецирование силы» и «обеспечение решающего превосходства».

Примечательно, что стратегические концепции дополняются оперативно-стратегическими концепциями. Следует отметить, что такая практика реализуется с конца 90-х годов прошлого века. В частности, в 1996 году Комитет начальников штабов вооруженных сил США принял директивный документ под названием «Единая перспектива-2010». В его развитие в 2000 году была издана директива «Единая перспектива-2020».

В указанных документах директивно закрепляется концептуальная база ведения вооруженными силами США объединенных (с одновременным участием формирований двух и более видов ВС) боевых действий в будущих войнах. В них предусматривается дальнейшее совершенствование взаимодействия компонентов вооруженных сил и ускоренное внедрение новейших технологий в военное дело.

Согласно документам, основой кардинального повышения боевых возможностей вооруженных сил должно служить информационное превосходство, которое преобразит традиционные понятия о маневре, ударе, защите, тыловом обеспечении и позволит использовать четыре новые оперативно-стратегические концепции: «господствующий маневр», «высокоточное сражение (бой)», «всеобъемлющая защита» и «целенаправленное тыловое обеспечение». Американские военные стратеги считают, что реализация указанных концепций будет давать их войскам «всеохватывающее господство» – подавляющее превосходство над противником на земле, в воздухе, на море, в космосе и в информационной сфере.

Рассматривая научно-практические результаты реализации современных военно-теоретических взглядов на войну в практике военного строительства, полагаем важным отметить, что идеология

современного военного строительства в США определяется требованиями Стратегии национальной безопасности 2002 года. Именно этим документом, по сути имеющим доктринальный характер, были определены основные принципы современной американской оборонной стратегии, представленные в виде формулы «1421». Положения этой формулы раскрываются следующим образом:

защита национальной территории США («1»);

способность противостоять враждебным действиям или напряженности одновременно в четырех регионах мира («4»);

способность вести две победоносные крупномасштабные войны в различных регионах мира («2»);

способность одержать в одной из этих войн полную победу, заняв территорию противника и свергнув его правительство («1»).

«Стратегия национальной безопасности – 2002» послужила основой для дальнейшей разработки и реализации двух других концептуальных документов, в частности, Стратегии национальной обороны США и Национальной военной стратегии США, вошедших в себя наиболее перспективные, с точки зрения долгосрочного прогноза и оценок мировых тенденций в военной сфере, военно-теоретические взгляды и концепции, предопределяющие направления и пути развития вооруженных сил, способных адекватно отвечать на неопределенные угрозы и вызовы военной безопасности и национальной безопасности в целом.

В частности, в Стратегии национальной обороны США, подписанной Президентом США 1 марта 2005 года, были сформулированы четыре стратегические задачи вооруженных сил:

– защита территории страны от прямого нападения потенциального противника;

– обеспечение максимальной свободы действий американских вооруженных сил в глобальном масштабе;

– укрепление военно-политических альянсов и связей с союзниками в целях оперативного совместного реагирования на возникающие угрозы;

– формирование «благоприятной международной среды» в интересах всеобщей безопасности.¹²⁸

Примечательно, что выходу в свет данной редакции Стратегии национальной обороны США предшествовало подписание Национальной военной стратегии США в апреле 2004 года. Между тем оба концептуально-доктринальных документа разрабатывались параллельно. В последнем определены направления развития вооруженных сил страны на ближайшую и среднесрочную перспективы, описаны способы применения вооруженных сил в зависимости от военно-стратегической обстановки, определены силы и средства, необходимые для достижения превосходства над противником в военных операциях XXI века.

В основе данной стратегии лежит полное превосходство над противником, которое достигается не за счет подавляющего перевеса в численности сил и средств, а за счет создания необходимых условий для более эффективного их действия даже в условиях недостатка сил. В связи с этим признано необходимым преобразовать вооруженные силы США в единые сетецентричные и распределенные силы, обеспечив качественное совершенствование системы сбора, обработки и распределения информации. С этого времени Пентагон приступил к развертыванию глобальной информационной сети и практической отработке технологий нового вида войн – «сетецентричной (сетецентрической, сетевой)» войны.

Изучение обширного фактологического материала, связанного с анализом процессов и результатов военного строительства, показывает, что коренное реформирование вооруженных сил, к которому приступили США в начале века, затронуло все аспекты военного дела: военную стратегию, военную доктрину, формы и методы руководства и управления, состав, структуру и архитектуру военной организации, оперативную и боевую подготовку, вооружение и военную технику, образование, кадры, тыловое обеспечение и т.д.

---

¹²⁸ См.: Олегин А., Сатаров В. США: ставка на абсолютное превосходство // Отечественные записки. – 2005. – № 5.

Конкретизация направлений военного строительства во взаимосвязи с практической реализацией перспективных военно-теоретических концепций нашла отражение в очередной редакции Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в 2006 году. В документе содержится перечень, включающий порядка 150 конкретных мер, определяющих перспективы и конечные результаты очередного этапа военного строительства. В качестве промежуточного итога реформирования, в частности, декларировалось преобразование основных группировок войск в высококомобильные современные формирования, способные в кратчайшее время развернуться в любой точке земного шара, где этого требуют военные, политические, экономические и прочие интересы Америки.

В целом масштабные преобразования охватывают все сферы военной организации США. Все это свидетельствует, что главной целью американского военного строительства является обеспечение глобального военно-политического доминирования путем обладания силами и средствами, предоставляющими возможность одержать победу над неопределенным гипотетическим противником.

В полной мере это нашло отражение в новой военной доктрине США, так называемом, «Четырехлетнем обзоре оборонной политики», опубликованном Министерством обороны США в феврале 2010 года.¹²⁹ В данном документе представлен анализ оборонной стратегии, структуры вооруженных сил, программ по закупке вооружений и оперативного планирования с прогнозом до 2030 года.

Анализ стратегической ситуации в мире опирается на две предпосылки, являющиеся отправными точками для современного военного планирования в США.

Во-первых, будущие противники, будь то государственные или негосударственные акторы, не рискнут бросить вызов конвенциональной мощи Соединенных Штатов напрямую. Вместо этого

---

¹²⁹ См.: Аничкина Т.Б. Военная политика администрации Обамы (2009–2010 гг.) //Россия и Америка в XXI веке. Интернет-издание. – №2. – 2010 URL://www.rusus.ru/?act=read&id=197; Quadrennial Defense Review Report, February 2010, U.S. Department of Defense/ URL: http://www.defense.gov/qdr/images/QDR_as_of_12Feb10_1000.pdf.

они попытаются использовать уязвимости национальной обороны, применяя приемы асимметричной войны.

Во-вторых, так как характер конфликта больше не будет определяться природой оппонента (государства могут использовать тактику иррегулярной вооруженной борьбы, а террористические группы – передовые технологии и ОМУ), традиционная градация конфликтов – от примитивных террористических актов до полномасштабной войны – теряет свое значение.

Исходя из этого, в «Четырехлетнем обзоре» 2010 года в качестве наиболее соответствующего характеру современных и будущих вызовов в сфере безопасности вводится термин «гибридная угроза» – вид угрозы смешанного типа, включающей элементы разного порядка и не укладывающейся в прежнюю теоретическую модель.

При этом авторы новой военной доктрины США приходят к выводу, что конфликты, по старой классификации, считающиеся локальными, в сегодняшних условиях поглощают не меньше ресурсов, а, следовательно, являются не менее определяющими при военном планировании, что и краткосрочные войны высокой степени интенсивности.¹³⁰

В документе также признается, что помимо угроз нового типа на состояние международной безопасности оказывают влияние такие невоенные факторы, как перенацеливание мировых финансовых потоков в сторону азиатских стран, растущее влияние других субъектов международных отношений (например, стран БРИК и негосударственных акторов), дефицит природных ресурсов, изменение климата и т.д.

Признавая, что большинство современных вызовов, включая распространение ядерного оружия и терроризм, требует многостороннего сотрудничества, в том, что касается коллективной безопасности, авторы документа в основном подтверждают приверженность США существующим альянсам и партнерским соглашениям.

---

¹³⁰ Например, операции в Ираке и Афганистане, несмотря на ограниченность масштабов, для обеспечения непрерывной ротации контингента, дислоцированного за рубежом, требуют содержания большого по численности личного состава.

Важную особенность, отражающую глубоко научный и прикладной характер методологии военного строительства в США, обнаруживает тот факт, что в 2010 году в США появились еще два документа, непосредственно связанных с военным строительством.

Так, практически следом за «Четырехлетним обзором оборонной политики» 2010 года был опубликован Обзор политики США в области противоракетной обороны¹³¹, а еще через некоторое время – Обзор ядерной политики.¹³²

В первом документе анализируются стратегия и задачи государственной политики в сфере ПРО, ракетные угрозы, стандарты оценки боевого применения, эксплуатационной эффективности и живучести американских систем противоракетной обороны. Во втором рассматривается роль ядерного оружия в военной стратегии США, численность и структура ядерного арсенала и средств доставки, необходимых для обеспечения этой стратегии, а также производственные мощности по созданию ядерного оружия.

Оба обзора подтверждают решающее значение систем противоракетной обороны для достижения последней цели. Это особенно важно с учетом того, что США более не планируют использовать ядерное оружие против неядерных государств, выполняющих свои международные обязательства в области нераспространения.

В отношении последнего документа необходимо подчеркнуть, что он занимает особое место в военном планировании и реализации программ военного строительства, поскольку представляет собой ни что иное, как ядерную стратегию, которая осуществляется в соответствии с указанным официальным документом.

По оценкам экспертов, доклад американского военного ведомства «Обзор ядерной политики», опубликованный 6 апреля 2010 года, представляет собой основу новой ядерной стратегии Соединенных Штатов на последующие 5–10 лет и на более отдален-

---

¹³¹ См.: Аничкина Т.Б. Указ. соч.; Ballistic Missile Defense Review Report, U.S. Department of Defense. (URL:http://www.defense.gov/bmdr/docs/BMDR_for%20web.pdf).

¹³² См.: там же; Nuclear Posture Review Report, U.S. Department of Defense. (URL:<http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>).

ную перспективу. В частности, в документе впервые в развернутом виде отражена – современная концепция военного обеспечения национальной безопасности США – переход к новой триаде посредством наполнения ее неядерной наступательной составляющей, компонентами активной и пассивной обороны, включающей противоракетную оборону, а также развитой оборонной промышленной инфраструктурой.

По мнению российских военных экспертов, принимаемые США меры по ограничению национальных стратегических ядерных сил (СЯС) в рамках нового Договора об СНВ-3 2010 года и связанные с этим договором инициативы по нераспространению и ядерному разоружению – это политическое отражение революции в военном деле. Как, в частности, полагает российский ученый В. Карякин, США технически готовы к быстрому сокращению своего ядерного потенциала ввиду того, что они имеют возможность осуществить качественный скачок в области обычных вооружений за счет реализации достижений современных технологий, позволяющих сделать ставку на неядерную компоненту стратегических сил и повышение боевого потенциала сил общего назначения. Таким образом, по его мнению, концепция «силового устрашения» нашла продолжение в нахождении функциональных эквивалентов ядерному оружию в виде обычных высокоточных вооружений.¹³³

Соглашаясь в целом с оценками В. Карякина, необходимо заметить, что еще в 2009 году Министерство обороны США приступило к реализации концепции «быстрого глобального удара», основной целью которой является придание американским стратегическим силам способности высокоточного поражения целей (в кратчайшие сроки, на больших дальностях с использованием ударных средств поражения как в ядерном, так и обычном снаряжении) в форме проведения авиационных, космических и специальных операций при их радиоэлектронном и информационно-психологическом обеспечении.

---

¹³³ См.: Карякин В. Новая ядерная доктрина США и безопасность России// Независимое военное обозрение, 03 декабря 2010 г. [URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-12-03/1_doctrina.html].

По оценкам зарубежных и отечественных экспертов, в рамках реализации данной концепции осуществляются оптимизация организационно-штатной структуры Командования глобальных ударов и его интеграция в Объединенное стратегическое командование (ОСК) ВС США. По мнению американского военного руководства, нанесение или угроза нанесения глобальных ударов станет важной составляющей реагирования Соединенных Штатов на такие вызовы, как терроризм, распространение ОМП и ограничение свободы действий США в зонах их жизненно важных интересов.

Тем самым, по нашему мнению, положено начало коренной реорганизации стратегических ядерных сил путем их включения в состав сил быстрого глобального удара. В соответствии с «Обзором ядерной политики» (NPR-2010) в американские стратегические наступательные и оборонительные силы вошли стратегические наступательные силы, стратегические оборонительные силы, военная и промышленная инфраструктуры, системы связи, разведки, управления и адаптивного планирования операций.

По мнению военно-политического руководства США, в результате реализации планов формирования такого рода архитектуры сил, средств и инфраструктуры комбинация неядерных и ядерных сил и средств ведения и обеспечения вооруженной борьбы в большей степени будет соответствовать ситуациям в области безопасности, перед которыми могут оказаться Соединенные Штаты в настоящее время, через 10 и через 20 лет.

Нельзя не отметить и тот факт, что в мае 2010 года появился еще один документ, в котором вопросам военного планирования уделено повышенное внимание – это «Стратегия национальной безопасности – 2010». Так же как и документы, рассмотренные выше, «Стратегия – 2010» заметно отличается от своих предшественниц («Стратегии – 2002» и «Стратегии – 2006»).

Так, в список современных глобальных вызовов и рисков, наряду с привычными ядерным распространением, терроризмом и региональными конфликтами, вошли новые, нетрадиционные угрозы, та-

кие например, как: мировой экономический кризис, кибертерроризм, а также природные и антропогенные катастрофы, подобные разливу нефти в Мексиканском заливе в апреле 2010 года.

С другой стороны, анализ изменяющегося баланса сил в мире, в частности, усиления «большой двадцатки» относительно «большой восьмерки», который содержит текст документа, завершается выводом о том, что необходимы новые многосторонние режимы и договоренности о справедливом распределении, как выгод, так и издержек поддержания стабильного мирового порядка. Тем самым, как представляется, Соединенные Штаты фактически признают, что они не в состоянии самостоятельно решать глобальные проблемы и не должны нести ответственность за них в одиночестве.

По нашему мнению, в данной Стратегии заметен отказ от ряда устоявшихся позиций, по крайней мере, по трем направлениям. Во-первых, приоритетом объявлено восстановление экономической мощи США. Во-вторых, действующая администрация отошла от идеологии и практики предыдущей администрации в отношении традиционных вызовов международной безопасности – распространения ядерного оружия и терроризма. В-третьих, наиболее показательны различия в области применения военной силы как инструмента реализации внешней политики. В частности, в отличие от прежней стратегии, получившей наименование «доктрины Буша», проповедовавшей превентивные односторонние действия на мировой арене, «Стратегия – 2010» утверждает, что США будут использовать военную силу исключительно в качестве крайнего средства, тщательно взвесив все «за» и «против», а также заручившись как можно более широкой международной поддержкой.¹³⁴

Вышеперечисленное свидетельствует, что, несмотря на подвижки в американо-российских отношениях, а также стратегическое партнерство с Китаем, неудачи военных операций США в Ираке и Афганистане показывают, что проблема использования воору-

---

¹³⁴ См.: Аничкина Т.Б. Указ. соч.

ных сил для США стоит чрезвычайно остро. Данные обстоятельства определяют постоянный поиск новых форм и способов реализации военной силы, трансформации содержания концептуально-доктринальных документов в военной сфере, а также перманентные преобразования в структуре, составе, функциональном предназначении сил и средств американских вооруженных сил.

Как показывает анализ научно-исследовательских разработок и руководящих документов, в современных условиях в США начали претерпевать коренные изменения общепризнанные и традиционные модели управления вооруженными силами в связи с развитием информационных технологий и с внедрением АСУ, созданных на их основе, а также в связи со стремительным переоснащением войск информационно насыщенными ВВТ, высокоточными средствами разведки и поражения и информационной войны.

По оценкам ряда военных специалистов, существенным аспектом, оказывающим важнейшее влияние на развитие теории и практики командования и оперативного управления, является то, что вооруженные силы в современных условиях считаются лишь одним из элементов системы обеспечения национальной безопасности, а достижение политических и других целей государства на международной арене может быть достигнуто только при комплексном, синергетическом применении всех составляющих национальной мощи, то есть – политических, дипломатических, экономических, информационно-психологических и собственно военных мер.

В этой связи обращает на себя внимание положения принятой военно-политическим руководством США к реализации Концепции «Планирование и проведение объединенных операций, нацеленных на конкретный результат» («Effects – Based Approach to Joint Operations»)¹³⁵. В основе ее лежит системный подход к анализу оперативного пространства, предусматривающий моделирова-

---

¹³⁵ См.: Паршин С., Кожанов Ю. Современные тенденции в совершенствовании системы управления ВС ведущих зарубежных стран в информационную эпоху//Зарубежное военное обозрение. - 2009. - № 6. - С. 3-10.

ние и вскрытие отношений между взаимосвязанными системами, отражающими их политические, военные, экономические, социальные, информационные и инфраструктурные характеристики, в каждой из которых могут находиться ключевые объекты, воздействуя на которые дипломатическими, информационными, военными или экономическими мерами можно достигнуть поставленной цели (эффекта). Основные положения концепции предполагают отказ от принципов формулирования требований для решения задач и переход к использованию анализа и комбинирования возможностей применительно к решаемым задачам на основе рациональной оценки и формальной выработки решения конкретной проблемы.

Не менее глубокие и масштабные преобразования в соответствии с новыми военно-теоретическими взглядами на войну и военные конфликты реализуются в вооруженных силах государств-членов НАТО.

Так, в Великобритании, военное строительство осуществляется в соответствии с правительственной программой «Основы военной политики до 2015 года», реализация которой берет свое начало с 1998 года. В основу этой программы положена концепция объединения однотипных сил и средств различных видов вооруженных сил в единые формирования. Согласно этой концепции, в стратегических ядерных силах сохраняется общее количество атомных подводных лодок типа «Вэнгард» (четыре единицы) с баллистическими ракетами «Трайидент-2», вместе с тем намечается сократить число ядерных боеголовок на каждой атомной подводной лодке с 96 до 48 и постоянно иметь на боевом патрулировании одну такую лодку.¹³⁶ Кроме того, в рамках программы на базе соединений и частей различных видов вооруженных сил создаются объединенные силы под единым управлением с общей системой боевого и тылового обеспечения. Осуществляется оперативное переподчинение частей и подразделений однотипных родов и служб войск еди-

---

¹³⁶ См.: Ляшенко А. Армия уплотняется // Красная звезда. – 2004. – 17 декабря.

ным командованиям. Так, еще в апреле 2000 года завершено формирование объединенного вертолетного командования (в его состав вошли вертолеты подразделений армейской авиации, ВВС и ВМС). Части ВВС и ВМС, имеющие на вооружении самолеты «Харриер», объединены в единую авиагруппу, на основе которой создано авиационное соединение «Объединенные силы-2000».¹³⁷

Военная реформа затрагивает также вопросы комплектования вооруженных сил. Основные направления «реструктуризации» вооруженных сил предусматривали сокращение их численности почти на 12 процентов. Таким образом, в Великобритании устанавливается требуемое общее количество военнослужащих, поэтому армия и флот набирают и обучают только то количество людей, которое предписано государством.

В целом, как отмечают специалисты, вооруженные силы Великобритании в настоящее время проходят период самых крупных реформ после окончания Второй мировой войны. Цель реформирования – создание «армии XXI века, которая освободится от доктрин времен «холодной войны» и будет ориентирована на противодействие террористическим организациям и «странам-изгоям», а также на участие в миротворческих операциях».¹³⁸

Примерно таких же взглядов на предназначение вооруженных сил придерживается и военно-политическое руководство Франции. В то же время специфика военного строительства Франции определяется стремлением ее руководства играть самостоятельную роль в обеспечении европейской безопасности и соответственно достаточно напряженными отношениями с США, претендующими на лидерство в этой области. Как считают военные аналитики, именно напряженность во француско-американских отношениях наряду с другими факторами побудила руководство Франции обратить особое внимание на строительство и развитие вооруженных сил страны.

---

¹³⁷ См.: Озеров В. О ходе военных реформ в странах НАТО // Зарубежное военное обозрение. – №1. – 2001.

¹³⁸ См.: Ляшенко А. Лондон создает армию XXI века // Красная звезда. – 2004. – 10 августа.

Основные направления французской оборонной политики реализовывались в соответствии с положениями, так называемой, Белой книги, вышедшей в свет в 1994 году. В рамках реализации программ строительства французских вооруженных сил осуществляется три этапа преобразований, которые должны завершиться к 2015 году.

На первом этапе (1997–2002 годы) – проведена реорганизация вооруженных сил и создана армия на профессиональной основе.

Целью второго этапа (2003–2007 годы) являлись профессионализация и современное техническое оснащение армии.

На заключительном этапе (2008–2015 годы) – планируется провести полную модернизацию вооруженных сил, которая позволит им выполнять четыре главные задачи, определяющиеся содержанием следующих концепций: «ядерное сдерживание», «быстрое развертывание», «защита территории» и «предупреждение удара».

Ядерному сдерживанию во французских доктринальных документах традиционно уделяется особое внимание. Соответственно основу военной доктрины Франции составляет стратегия «устрашения и сдерживания», основывающаяся на положении об обязательном наличии в составе вооруженных сил страны стратегических ядерных сил и тактического ядерного оружия, рассматриваемых как средство «последнего предупреждения» вероятного противника о готовности Франции нанести ядерный удар. Суть этой стратегии сформулирована следующим образом: «помешать любому потенциальному агрессору посягнуть на жизненные интересы Франции, создав угрозу, которой он в этом случае подвергнется». И далее: «средства устрашения существуют не для того, чтобы выиграть войну, а для ее предотвращения. Речь идет о нанесении агрессору ущерба, равного по масштабам, как минимум, той выгоде, на которую он рассчитывает». В качестве возможных противников, объекты которых могут стать целью ядерного оружия Франции, стали рассматриваться потенциальные обладатели ядерного оружия, «способные прибегнуть к его применению против Франции».¹³⁹

---

¹³⁹ См.: Дворкин В. Ядерное оружие в XXI // Отечественные записки. – 2005. – № 5.

Однако со времени разработки и принятия данного военно-доктринального документа Франции международная военно-политическая обстановка претерпела достаточно существенные изменения. По оценкам французских военных экспертов, возникли новые, нетрадиционные, угрозы, которые потребовали пересмотра роли вооруженных сил в будущем. В соответствие с новыми концептуальными взглядами на войну и военные конфликты 16 июня 2008 года президентом Франции была утверждена и обнародована «Белая книга по обороне и национальной безопасности», представляющая собой документ, определяющий основные направления военного строительства во Франции и основные положения стратегии безопасности государства в современных условиях.

Примечательным фактом является сам процесс разработки данного доктринального документа. В частности, сообщается, что комиссия в составе 35 человек, созданная по указанию президента Франции, работала в течение 11 месяцев, начиная с 31 июля 2007 года. Наряду с чиновниками Минобороны и ряда других правительственных структур, деятелей военно-промышленного комплекса в ней были также представлены парламентарии и эксперты в области обороны и безопасности (в том числе – независимые). В ходе работы с целью наилучшего изучения соответствующего опыта передовых государств мира комиссия выступила инициатором дискуссий, теле- и онлайн-конференций, в которых приняли участие 52 ведущих специалиста из 14 стран со всех континентов планеты. Еще больше профессионалов было привлечено к работе круглых столов и для консультаций, проводившихся в закрытом режиме. Члены комиссии также выполнили более двух десятков «полевых выходов» с целью практического и более близкого ознакомления с характером работы и функционированием ряда подразделений (организаций) и объектов, обеспечивающих оборону и национальную безопасность Пятой республики. Естественно, что на регулярной основе осуществлялось и взаимодействие с партнерами по Евросоюзу и НАТО.

Интересным и поучительным фактом является то, что веб-сайт, созданный по инициативе комиссии для отображения ее работы, за 11 месяцев посетили более 250 тыс. рядовых французских чиновников, военных и штатских граждан, выразивших искренний интерес к вопросу формирования новой стратегии национальной безопасности страны. При этом многие высказывали серьезную озабоченность теми проблемами, которые существуют в данной области, и предлагали свои пути их решения. В ряде случаев, как указывается в отчете комиссии, инициативы соотечественников позволяли в более сжатые сроки и более эффективно осуществлять подготовку рекомендаций правительству Франции по тем или иным направлениям. На сайте был даже открыт форум на данную тему, также оказавший немалую помощь членам комиссии.

По мнению французских военных экспертов важнейшей задачей вооруженных сил должна стать борьба с международной террористической сетью как внутри самой Франции и в странах «французской» Африки, так и за рубежом – в составе многонациональных коалиционных группировок, а также оказывать всемерную помощь гражданским ведомствам. Данные обстоятельства, по мнению военно-политического руководства страны, требуют проведения реорганизации Минобороны республики и достаточно серьезного изменения самой сути национального военного строительства в соответствии с новыми подходами. Среди них российскими аналитиками выделяются следующие пять «базовых стратегических функций (направлений деятельности)», которые должны быть готовы выполнять и национальные вооруженные силы, и соответствующие государственные ведомства.¹⁴⁰

1. Обладание необходимой информацией и способность предупреждать события (knowledge and anticipation).

2. Предупреждение или действие на опережение (prevention).

---

¹⁴⁰ См.: Щербаков В. Париж меняет курс военного строительства//Независимое военное обозрение. 01.08.2008, [http://nvo.ng.ru/concepts/2008-08-01/12_paris.html].

3. Сдерживание (deterrence), под которым фактически понимается ядерное сдерживание, остающееся одним из важнейших и приоритетнейших средств обеспечения национальной безопасности республики.

4. Защита (protection), под которой понимается как непосредственное обеспечение военными и полицейскими методами безопасности населения и целостности территории самой Франции, так и «способность общества в целом восстанавливаться после сильного кризиса и продолжать жизнедеятельность в прежнем режиме».

Среди прочего, например, предусмотрено создание к 2020 году системы предупреждения о ракетном нападении – на базе загоризонтных РЛС и космических систем, а также выделение 10 тыс. военнослужащих в резерв для помощи гражданским службам в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций или стихийных бедствий.

5. Вмешательство (intervention), которое признается одним из основных методов использования французских вооруженных сил для защиты интересов национальной безопасности. Причем предупреждение и вмешательство – задачи неразделимые, которые необходимо решать только вместе.

По планам политического и военного руководства комбинирование данных пяти базовых «функций» должно обеспечить оперативное применение отдельных элементов стратегии национальной безопасности, парируя возникновение новых угроз и вызовов. В этих целях перед утверждением ежегодного бюджета на реализацию планов военного строительства и решения задач внутренней безопасности выполнять корректировку отдельных положений «Белой книги».

В целом, анализ данного военно-доктринального документа показывает, что, наряду с другими государствами мира, Франция также стремится реализовать наиболее перспективные модели строительства и развития национальных вооруженных сил, учитывая необходимость «поиска нового баланса между американцами и европейцами в

рамках НАТО», а также соблюдение трех главных принципов, определенных еще генералом де Голлем: полная независимость стратегических ядерных сил Франции, свобода в действиях, а также свобода в принятии решений (ни одно воинское подразделение ВС Франции не должно находиться под постоянным контролем объединенного военного командования НАТО в мирное время).

В то же время военно-политическое руководство Франции выступает за создание «европейской обороны», «европейской оборонительной доктрины» с перспективой формирования единой «европейской армии». В качестве главного аргумента выдвигается тезис о невозможности в национальном формате противостоять новым вызовам и угрозам безопасности, носящими глобальный характер.¹⁴¹

Вопросы развития вооруженных сил и их боевого применения являются приоритетными и для Германии, одного из наиболее значимых членов Североатлантического альянса. Основным военно-доктринальным документом, закрепляющим военно-теоретические взгляды на современную войну и военные конфликты, роль и место вооруженных сил ФРГ в новой исторической реальности, является «Белая книга 2006: безопасность и будущее Бундесвера». Данный документ представляет собой официальную всеобъемлющую концепцию безопасности, которая сочетает в себе широкий круг военных и невоенных инструментов и подходов к обеспечению военной и национальной безопасности. Этот подход, который ряд зарубежных исследователей называет подходом «сетевой безопасности». Основная задача германских вооруженных сил, по их мнению, теперь заключается не в обороне территории страны, а в подготовке к действиям вне Германии, то есть для участия в зарубежных конфликтах. Эта новая функция бундесвера является, по замыслу руководства ФРГ, стержневой в новых условиях и коренным образом изменяет предназначение вооруженных сил страны.¹⁴²

---

¹⁴¹ См.: Макаренкова И.В. Современные зарубежные концепции национальной безопасности//Аналитический вестник Совета Федерации. № 17 (403), 2010.

¹⁴² См:[<http://www.aicgs.org/analysis/c/szabo120706.aspx>.]

Следует отметить, что трансформация военно-доктринальных документов в Германии произошла под воздействием общемировых тенденций в военном строительстве в условиях масштабной военной реформы, начатой в 2004 году. Ее важнейшим направлением стало сокращение личного состава вооруженных сил и обслуживающего гражданского персонала почти на треть, а также модернизация вооружений.

Новая концепция бундесвера предусматривает почти полную ликвидацию всех неактивных подразделений. Прежде всего, это касается системы подготовки резервистов. Сейчас к армейским структурам относятся 250 «законсервированных» до поры до времени подразделений, которые в случае необходимости могут быть развернуты до штатной численности за счет призыва 280 тыс. резервистов. После реформы в армии сохранятся места только для 2,5 тыс. резервистов¹⁴³. Таким образом, реформа бундесвера означает полный переход на контрактную армию.

Вместе с тем, быстро изменяющаяся международная обстановка, неустойчивый баланс сил на международной арене, ускоренная реализация структурных реформ в военной сфере наиболее развитыми государствами мира привели к тому, что 15 декабря 2009 года правительство ФРГ одобрило новые планы коренного преобразования вооруженных сил Германии. Это решение фактически дало старт новой широкомасштабной реформе бундесвера, предусматривающей, в частности, приостановку с 1 июля 2011 года в ФРГ воинской повинности, а также значительное сокращение численности бундесвера. В итоге планируется сократить численность вооруженных сил с 250 до 185 тыс. военнослужащих, 170 тыс. из которых будут профессионалами, а остальные – набираться на добровольной основе.¹⁴⁴

Анализируя трансформации в военном строительстве ФРГ, необходимо отметить, что практическая реализация новых подхо-

---

¹⁴³ См.: Никифоров О. Бундесвер станет меньше и мобильнее//Эксперт. – № 43. – 2004.

¹⁴⁴ См.: Ахмадуллин В. Лучше меньше, да лучше – или «новый облик» по-немецки // Независимое военное обозрение.14.01.2011.

дов к развитию вооруженных сил обусловливается провозглашением новой политики безопасности и новыми задачами НАТО, а также решениями немецкого руководства об использовании бундесвера не только для защиты территории ФРГ, но и за рубежом для обеспечения безопасности торговых путей, добычи и поставок энергоресурсов и полезных ископаемых.

Результаты анализа процессов военного строительства в Германии показывают, что вооруженные силы, оставаясь важнейшим компонентом системы обеспечения безопасности ФРГ, способствуют решению других важнейших задач. Германия стремится к новой ответственности, которая соответствовала бы ее экономической мощи и влиянию. Расширяя сферу использования бундесвера, руководство страны поднимает свой статус не только в НАТО, но и в мировом сообществе.

В итоге преобразований страна планирует получить современные компактные, мобильные и высокопрофессиональные вооруженные силы, которые в ближайшем будущем позволят ФРГ играть гораздо более важную роль в деятельности Североатлантического альянса, а впоследствии – и в мировой политике в целом.

Рассматривая современные тенденции зарубежного военного строительства, нельзя не остановиться на программах модернизации вооруженных сил Китая – наиболее динамично развивающегося государства мира и все более настойчиво заявляющего о своих военно-политических амбициях.

Открытая официальная трактовка военно-теоретических взглядов на современную войну и развитие вооруженных сил содержится в Белых книгах «Национальная оборона Китайской Народной Республики», последняя из которых опубликована в марте 2010 г. (всего с 1998 г. опубликовано 7 книг).

В соответствии с военно-политическими и военно-стратегическими установками Коммунистической партии Китая основным принципом китайской стратегии национальной безопасности является опора на собственные силы, что трактуется как «использование всех

имеющихся у государства возможностей для защиты национальных интересов, проведение независимой внешней политики, неучастие в военно-политических блоках и отказ от вступления в союз с великими державами, а также противодействие гегемонизму США». Одной из важных задач в области обеспечения национальной безопасности, как заявляют китайские руководители, является «предотвращение локальной войны в регионе». Главным средством этого, считают они, являются вооруженные силы, которые должны «повышать свою маневренность, огневую мощь и гибкость системы управления, а также добиваться более полного использования научных достижений в своей деятельности». Примечательно, что в тексте документа, не исключается и военная форма экспансии, в частности, в отношении Тайваня. Но как полагают китайские эксперты, после победы Гоминьдана и на парламентских, и на президентских выборах на Тайване мирная капитуляция острова становится практически гарантированной.

Анализ открытых документов по вопросам военного строительства, а также практики их реализации показывает, что военная доктрина Китая выражена в стратегии «активной обороны», суть которой заключена в том, что Китай не нападёт первым, пока против него не совершена агрессия, однако в случае нападения ответит контрударом. При этом в вопросе применения военной силы предусматривается гибкость и координация этого шага с мерами политического, экономического и дипломатического характера.

Ядерная стратегия Китая, взявшего обязательство не применять ядерного оружия первым, отражена в концепции «ограниченного ответного ядерного удара», предполагающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия против Китая. Такой подход не делает акцента на достижении ядерного паритета по отношению к развитым странам и является рациональным с точки зрения экономии материальных и финансовых ресурсов.

В целом необходимо отметить, что результаты анализа военно-стратегической обстановки обусловили планы по глубокому реформированию армии. Здесь точкой отсчета служит 1985 год, когда было принято решение переориентировать военное строительство с подготовки к мировой (обычной или ядерной) на локальные войны.¹⁴⁵

В настоящее время Китай активно занимается преобразованием своих вооруженных сил «из армии количественного состава в армию качественного превосходства». Идет переоснащение войск наиболее перспективными, высокотехнологичными системами оружия. По планам к 2020 году вооруженные силы КНР будут способны вести все виды войн против любого противника.

Руководствуясь новой стратегической доктриной, вооруженные силы Китая планируют развернуть пять больших современных систем вооружений.

1. Система вооружений стратегического устрашения и сдерживания (ядерное возмездие).

2. Система стратегической разведки раннего предупреждения и оповещения о возможном нападении.

3. Система противовоздушной и противокосмической обороны (планируется создать орбитальную космическую группировку, наладить производство высокоточных боевых систем дальнего радиуса действия, поставить на вооружение оперативно-тактические ракеты высокой точности).

4. Система борьбы с авианосными ударными группами (АУГ). Основной упор здесь делается на строительство авианосцев среднего водоизмещения и многоцелевых ударных подводных лодок, которые станут основой мощного подводного флота, способного вести успешную борьбу с АУГ противника в акваториях, прилегающих к Китаю и зонах его экономических интересов.

5. Система электронных вооружений.

---

¹⁴⁵ Подробнее см.: Военно-промышленный курьер. 2003. - № 14. 10–16 декабря.

Реализация этих важнейших, с точки зрения китайского руководства, планов будет осуществляться в соответствии со следующими установками:

- рост в период боевых возможностей ВС, в первую очередь за счет переоснащения их перспективными, высокотехнологичными системами оружия, до уровня, позволяющего им вести локальные войны любого масштаба;

- доведение оперативных огневых, маневренных и разведывательных возможностей вооруженных сил до уровня ведущих стран;

- сокращение общей численности вооруженных сил (прежде всего за счет уменьшения числа пехотных дивизий и увеличения относительного веса ВВС и ВМС);

- сохранение сухопутных войск как самого многочисленного вида вооруженных сил, предназначенного для решения основных задач по разгрому противника;

- сохранение военной обязанности как основного принципа комплектования;

- приоритетное оснащение войск высокоточным оружием, автоматизированными системами управления;

- упор в подготовке военно-воздушных сил на действия оперативного и оперативно-стратегического масштаба, которые могут проводиться как в тесном взаимодействии с формированиями других видов вооруженных сил, так и в рамках самостоятельной воздушной наступательной операции;

- создание эффективной в условиях информационной войны системы управления войсками и оружием;

- совершенствование всех трех составляющих ядерной триады и, прежде всего, стратегических вооружений наземного базирования;

- обретение к 2015 году способности вести разнородными группировками всесторонне обеспеченные военные действия ограниченного масштаба за пределами национальной территории;

- повышение способности оперативных формирований к огневому поражению, особенно на больших дальностях, в первую оче-

редь за счет быстрого роста числа соединений, оснащенных реактивными системами залпового огня крупного калибра, тактическими и оперативно-тактическими ракетами;

– сохранение мобилизационной базы масштабного развертывания вооруженных сил в случае возникновения глобального военного конфликта;

– развитие флота до уровня, чтобы он мог вести действия оперативного масштаба в океанской зоне в пределах Тихоокеанского ТВД.

В целом реформа вооруженных сил Китая, повторяя в главных чертах реформы, которые проводят западные страны, имеет ряд существенных особенностей. Ее, в частности, отличает долгосрочность планирования (до 2050 года) и глобальность замысла – к середине столетия страна «должна иметь вооруженные силы, достойные великой державы», способные «победить в любой войне любого противника». Отличает китайские реформы и ориентация на приоритетное развитие ВМС. Это обусловлено стремлением Китая распространить свой суверенитет на Тайвань, а также тем, что экономическое процветание страны зависит от доступа к морским ресурсам и морским коммуникациям.

Необходимо также отметить, что китайское руководство по-прежнему относит Соединенные Штаты к числу своих главных противников и не исключает возможности вооруженного столкновения с ними большего или меньшего масштаба, а потому в ходе реформ настойчиво ищет пути так называемого «асимметричного строительства вооруженных сил», с тем, чтобы уже в ближайшем будущем армия могла адекватно ответить на возможные действия американцев. Так Китай уже давно разрабатывает доктрину «информационной войны» и довольно далеко продвинулся в этом направлении.

Информационную войну китайские официальные документы определяют как «переход от механизированной войны индустриального общества к войне решений и стиля управления, войне знания и войне интеллекта». В рамках этой доктрины китайские вооруженные силы развивают концепцию «Сетевых сил» – воинских

подразделений численностью до батальона, укомплектованных высококлассными специалистами, владеющими передовыми компьютерными технологиями.

По оценкам ряда специалистов, в Китае поняли всю значимость и революционность американской концепции сетецентрической войны. Более того, китайские военные ученые полагают, что нельзя и доводить ее до абсурда. Потому что воюют не компьютерами, даже объединенными в глобальную сеть, а, как и прежде, бронетехникой, артиллерией, авиацией, кораблями. Компьютеры лишь многократно повышают их эффективность. Поэтому в Китае выдвинут лозунг «Объединить войну информационную и войну механизированную». То есть сетецентрическая война, по мнению китайских военных, отнюдь не отменяет классическую массовую армию, как посчитали на Западе, да и в России. Именно классическая массовая армия, став сетецентрической, по оценкам китайского военно-политического руководства, будет по-настоящему непобедимой.¹⁴⁶

При этом подчеркивается, что технологический уровень НОАК растет очень быстро, на вооружение уже принимаются образцы, не имеющие аналогов в мире. Например, РСЗО WS-2 или боевые беспилотные летательные аппараты, представленные осенью 2010 года на авиасалоне в Чжухае. Тем не менее, определенное технологическое отставание НОАК от наиболее передовых армий, хотя и очень существенно сократилось, но пока сохраняется. И китайское военно-политическое руководство стремится ликвидировать его как можно быстрее.¹⁴⁷

По мнению, заместителя директора Института США и Канады РАН, руководителя Центра глобальных военно-экономических проблем ИСКРАН П.С. Золотарева, одна из национальных особенностей политики Китая – наращивание военного потенциала с минимальным беспокойством для окружающих государств, умелое соче-

---

¹⁴⁶ См.: Храмчихин А. Европа готова вооружать Китай//Независимое военное обозрение. 21.01.2011. [http://nvo.ng.ru/forces/2011-01-21/1_china.html].

¹⁴⁷ См.: Там же.

тание демонстрации воинственности и дружелюбия. Рост военной мощи сопровождается активной дипломатической деятельностью. Китай максимально урегулировал территориальные споры по периметрам своих границ, принимает активное участие в региональных форумах, подписал в 2003 г. «Декларацию по Южно-Китайскому морю» и соглашения по совместному освоению ресурсов с Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией и Брунеем. Одновременно активно развивается военное сотрудничество с Австралией, Францией, Германией, Великобританией, Индией, Мексикой, Пакистаном, Россией и государствами Центральной Азии.

В космической сфере Китай активно сотрудничает не только с Россией, но и с европейскими космическими структурами и со странами Латинской Америки. Нарастает военная составляющая и в рамках ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Развивается сотрудничество Китая с Соединенными Штатами в военной и космических сферах. Активен Китай и в миротворческих операциях ООН: им выделено самое большое число военных наблюдателей и миротворцев. В формировании благоприятной окружающей среды активно используется потенциал культурного влияния. В различных странах создана целая сеть Институтов Конфуция, популяризирующих китайскую культуру, язык, особенности и достижения китайской цивилизации.¹⁴⁸

Все это свидетельствует о динамичном и поступательном движении КНР по пути к глобальному господству.

В целом результаты анализа отдельных положений военно-доктринальных документов и наиболее открытых для общественности сторон военного строительства в ряде зарубежных стран свидетельствует, что основные тенденции современного этапа военного строительства заключаются в следующем:

– во-первых, в стремлении государств сохранить и совершенствовать (создать) стратегический и нестратегический ядерный потен-

---

¹⁴⁸ См.: Золотарев П.С. Китай и Индия в глобальном балансе военных сил //Россия и Америка в XXI веке. [<http://www.rusus.ru/?act=show&id=1>].

циал, выступающий для США как один из атрибутов мирового господства, а для остальных стран – как одно из средств «самоутверждения» в борьбе, по крайней мере, за региональное лидерство;

– во-вторых, в обеспечении гарантированной защиты (недостижимости) своей территории высокотехнологичными оборонительными силами, обладающими в то же время достаточным «наступательным потенциалом»;

– в-третьих, апробации и развитию концепции сетецентрических войн в рамках реализации единой военной стратегии применения межвидовых (объединенных) разнородных формирований, способных эффективно действовать в «удаленных» регионах мира и взаимодействовать в составе коалиционных (многонациональных) сил на основе широкого использования и применения информационно-коммуникационных технологий.

Представляется, что широкое распространение данных тенденций и их все более полный учет в практике строительства и развития вооруженных сил свидетельствует о начале качественно нового этапа развития военно-теоретической мысли, следствием которого станет коренная трансформация форм и способов вооруженного противоборства, что может сказаться на содержании самой войны как явления общественно-политической практики.

Новые концепции войны и военных конфликтов находят свое отражение в военно-политических отношениях, осмысливаются теоретически и закрепляются в концептуально-доктринальных документах, в практике военного планирования и военного строительства.

Глава 4.

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Мировое геополитическое развитие, динамика военно-политической обстановки, эволюция вызовов и угроз глобальной международной, региональной и национальной безопасности, наряду со стремлением ведущих государств обеспечить доминирующие позиции на формирующейся политической карте мира, обуславливают необходимость адекватного восприятия российским военно-политическим руководством и военно-научным сообществом происходящих перемен в военной сфере и выработки на этой основе необходимых мер по обеспечению военной безопасности государства. Прежде всего, это касается потребности разработки соответствующих доктринальных документов, определяющих приоритетные направления современной военной политики России, а также разработки и реализации практических мер по корректировке и оптимизации процессов военного строительства в России.

В настоящее время военное строительство Российской Федерации осуществляется в соответствии с концептуально-доктринальными документами долгосрочного и среднесрочного планирования, в числе которых:

– Основы стратегического планирования в Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 536;¹⁴⁹

– Концепция развития Воздушно-космической обороны Российской Федерации на период до 2016 года и дальнейшую перспективу;

– Государственная программа вооружения на период 2011–2020 годы;

Кроме того, в Министерстве обороны Российской Федерации, других федеральных органах исполнительной власти, разработан комплекс документов, направленных на концептуально-доктринальное обеспечение военной безопасности. Среди них выделяются:

– концепции строительства Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований на период до 2020 года;

– федеральные целевые программы развития (совершенствования) элементов (систем обеспечения) военной организации государства;

– планы (программы) строительства видов, родов войск и совершенствования систем обеспечения;

– ведомственные целевые программы развития (совершенствования) отдельных компонентов военной организации государства;

– План оперативного оборудования территории Российской Федерации до 2016 года;

– Стратегия социального развития Вооружённых Сил Российской Федерации на период до 2020 года и другие.

Следует отметить, что в рамках масштабной военной реформы Вооруженные Силы Российской Федерации трансформируются в соответствие с документами, разработанными на основании решений Совета Безопасности Российской Федерации, принятыми еще в начале 2000-х годов.

---

¹⁴⁹ Основы являются ключевым методологическим документом для организации работы федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации стратегических национальных приоритетов на федеральном, региональном и отраслевом уровне.

Вместе с тем, корректировка и дальнейшее совершенствование концептуально-доктринальных документов и документов военного планирования осуществляются постоянно. Данные обстоятельства дают основания полагать, что высокая динамика изменений геополитической обстановки, дисбаланс военной мощи стран, стремительное развитие средств вооруженной борьбы и способов ведения боевых действий, появление новых концепций войны и военных конфликтов, оказывают существенное влияние на процессы военного строительства и определяют перманентные трансформации планов и программ развития российских вооруженных сил.

Начало коренным преобразованиям в российской армии и на флоте было положено в октябре 2008 года, когда Президент России поставил перед руководством Минобороны России задачи по формированию нового облика Вооруженных Сил. В течение 2008–2010 годов трансформациям и ломке подверглись состав и структура всех видов и родов войск, функции органов военного управления, система комплектования и многое другое.

Большое влияние на реализацию планов и программ военного строительства оказали два важнейших события. В мае 2009 года Президентом страны была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹⁵⁰, а в феврале 2010 года – Военная доктрина Российской Федерации¹⁵¹ и «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 года». Названные документы фактически определяют характер и основные направления военной политики России в интересах обеспечения национальной безопасности государства на среднесрочную перспективу, исходя из принятых военно-политическим руководством государства военно-теоретических взглядов и подходов к оценке и перспективам развития военно-политической обстановки, трансформации современных концепций войны и других факторов.

---

¹⁵⁰ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

¹⁵¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 10 февраля 2010 года № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» //Российская газета. – 2010. – 10 февраля.

В частности, по мнению российского ученого-исследователя В.Ю. Сизова, на разработку и принятие этих документов оказали влияние следующие обстоятельства:

– критическое осмысление руководством страны состояния Вооруженных Сил по результатам их участия в разрешении военного конфликта на Кавказе в августе 2008 года;

– отказ стран Запада начать конструктивный диалог с Россией по вопросу о совершенствовании системы обеспечения международной безопасности в Евroatлантическом регионе;

– двойственность политики НАТО по отношению к России (предложения о расширении сотрудничества наряду с подтверждением курса на расширение блока, в том числе за счет приема в него Грузии и Украины);

– сохранение очагов потенциальных вооруженных конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии;

– изменение характера российско-американского диалога по обеспечению стратегической стабильности (подписание нового договора по сокращению стратегических наступательных вооружений при одновременном сохранении планов США по развертыванию системы противоракетной обороны в Европе);

– продолжающийся рост военной мощи Китая;

– снижение темпов экономического развития страны в условиях глобального кризиса;

– продолжающаяся стагнация большей части военно-промышленного комплекса страны;

– сокращение финансовых возможностей РФ по комплексной реформе военной организации государства;

– отсутствие активной поддержки военной реформы со стороны населения страны.¹⁵²

По нашему мнению, указанное демонстрирует, что по сравнению с другими ведущими в военно-политическом отношении госу-

---

¹⁵² См.: Сизов В.Ю. Военная политика и военная безопасность России // Россия и Америка в XXI веке. Интернет-издание. – №2. – 2010 // URL: www.rusus.ru/?act=read&id=191.

дарствами, трансформация военной политики Российской Федерации происходит в чрезвычайно сложных условиях.

Вполне закономерно, поэтому основной акцент и в Стратегии национальной безопасности, и в Военной доктрине сделан именно на вопросах укрепления национальной обороны. При этом сама национальная оборона Стратегией отнесена к основным приоритетам национальной безопасности Российской Федерации (наряду с государственной и общественной безопасностью).

Стратегическими целями совершенствования национальной обороны заявлены предотвращение глобальных и региональных войн и конфликтов, а также в осуществление стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны. Таким образом, на самом высоком официальном уровне признано, что война не исчезает и существенным все же остаётся значение военной силы. Исходя из содержания статьи 32 Стратегии, главными задачами государства по укреплению национальной обороны следует считать:

- сохранение потенциала стратегических ядерных сил;
- наращивание количества частей постоянной готовности;
- совершенствование оперативной и боевой подготовки;
- организацию межвидового взаимодействия войск и сил;
- уточнение системы комплектования ВС РФ и других войск;
- повышение престижа военной службы и статуса офицерского состава;
- выполнение государственных программ по разработке и созданию вооружения и военной техники.

Конкретизирует основные направления укрепления национальной обороны Военная доктрина. В новой ее редакции, так же как и в старой, утверждается, что вероятность возникновения крупномасштабной войны снижается, но на ряде направлений военные опасности для России усиливаются. К таковым Доктриной отнесены:

- распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;
- рост числа стран, обладающих ядерным оружием;

– наращивание иностранных воинских контингентов в сопредельных с Россией государствах.

Один из главных пунктов новой редакции Военной доктрины также остался неизменным: «Россия оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Вместе с тем, в Доктрине так и не появился пункт об упреждающем (превентивном) ядерном ударе России по агрессору, а также об использовании ядерного оружия в региональных и даже в локальных войнах

Одной из характерных черт современных военных конфликтов названо расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве.

Другая новация обусловлена уроками «пятидневной» войны в Южной Осетии и принятыми в конце 2009 года поправками к закону «Об обороне» об использовании российских войск за пределами страны. Доктрина предусматривает право России использовать вооруженные силы за пределами страны для защиты ее интересов и ее граждан, а также для поддержания международного мира и безопасности. В прежней редакции закона этого не было.

На основе содержания положений статьи 32 Стратегии национальной безопасности «Военная доктрина – 2010» определила основную задачу строительства и развития Вооруженных Сил и других войск как «приведение их структуры, состава и численности в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов, а также возможностями Российской Федерации».¹⁵³

Однако, по мнению ряда аналитиков, значимость принятых документов заметно снижается в виду недостаточной проработки

---

¹⁵³ См.: Военная доктрина Российской Федерации // www.scrf.gov.ru/documents/18/33.html – официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации.

ряда военно-теоретических положений. В частности, это касается, как отмечает В. Сизов, неопределенности возможного характера военных конфликтов в краткосрочной и среднесрочной перспективе с участием России, а также перечня конкретных источников военной опасности, способных перерасти в непосредственную военную угрозу Российской Федерации. Упоминания в статье 12 Стратегии, что «в условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы», явно недостаточно для определения возможных союзников и потенциальных противников России в конфликтах будущего, а также задач для первых операций вооруженных сил.¹⁵⁴

Очевидно, что в современных условиях определение вероятных противников и характера возможных конфликтов – это очень сложная задача для любого государства. Неопределенность и непредсказуемость развития международной обстановки вынуждает большинство стран придерживаться традиционных моделей военной политики. Их адаптация к современным реалиям идет практически в режиме удовлетворения текущих потребностей группировок вооруженных сил, участвующих в конкретном вооруженном конфликте в том или ином регионе мира.

Тем не менее, результаты анализа зарубежной практики концептуально-доктринального закрепления военно-политических взглядов ведущих государств и, в первую очередь США, позволяют сделать вывод, что большинство стран приступили к перераспределению своих научных и военно-экономических ресурсов для подготовки к «нетрадиционным войнам». Руководство этих стран выделяет значительные ресурсы для решения задач, несвойственных вооруженным силам в классических войнах, не отвергая полностью российский тезис «о возможности повторения конфликта, сопоставимого с масштабами второй мировой войны».¹⁵⁵

---

¹⁵⁴ См.: Сизов В.Ю. Указ. соч.

¹⁵⁵ См.: Интервью Д.А. Медведева газете «Известия» 7 мая 2010 года – // URL: www.kremlin.ru/news/7659.

Так, в частности, выступая 16 июня 2010 года в одном из комитетов Сената, министр обороны США Р. Гейтс привел следующие данные: из доли военного бюджета страны, предназначенной для финансирования закупок вооружения и военной техники, около 50% средств расходуются на программы модернизации вооружений для возможных конфликтов с почти равными по потенциалу странами (можно предположить, что имелись в виду Россия и Китай); около 40% средств расходуются на программы двойного назначения, такие как транспортные самолеты С-17s и примерно 10% выделяется на средства вооруженной борьбы для нетрадиционных или асимметричных военных действий¹⁵⁶.

Нельзя не отметить еще одну тенденцию в изменении содержания современных конфликтов: успех в военном конфликте определяется не только фактическим результатом вооруженного противоборства сторон, но и тем, как эти результаты доносятся до мирового сообщества и интерпретируются в сознании граждан своей страны. Значимость реализации этих задач наглядно продемонстрировали события августа 2008 года, когда в отношении России был развернут жесточайший информационный прессинг всеми мировыми СМИ, находящимися под контролем США¹⁵⁷. Все это свидетельствует, с одной стороны, об изменении соотношения объемов самой вооруженной борьбы и других форм противоборства (информационной, дипломатической, экономической) в военных конфликтах современности, а, с другой – объективной необходимости перераспределения ресурсов «войны» между компонентами не только военной организации, но внутри всего государства. При этом, очевидна также потребность изменения характера участия гражданских министерств и ведомств в военной политике страны, поскольку обеспечение военной безопасности страны не является исключительной прерогативой Министерства обороны, а предполагает ак-

---

¹⁵⁶ См.: Сизов В.Ю. Указ. соч.

¹⁵⁷ См.: Есаулов В.Т. Политика противодействия информационным угрозам Российской Федерации и основные направления ее совершенствования в современных условиях. Дисс. канд. полит.наук. –М.: ВУ, 2010. – 179 с.

тивное участие в этом всех органов и структур государственной власти. Данные положения, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшей проработке и конкретизации в интересах оптимизации деятельности соответствующих субъектов обеспечения национальной обороны в Российской Федерации.

Вместе с тем, как показывает проведенный авторами политологический анализ, ныне действующие российские концептуально-доктринальные документы еще на стадии их формирования и утверждения имели серьезные изъяны, обусловленные недостаточно четкой проработкой методологии деятельности субъектов и фрагментарности военно-теоретических аспектов, предопределяющих практическую направленность деятельности по военному строительству и обеспечению национальной обороны в Российской Федерации.

В частности, к недостаткам, снижающим научно-теоретическую ценность вышедших в 2010 году концептуально-доктринальных документов России, следует отнести терминологическую неопределенность их основополагающих дефиниций, таких как: национальная безопасность и национальная оборона. Обращает на себя внимание тот факт, что оба эти термина, формирующие всю конструкцию доктринальных документов, заимствованные из американской политической практики, не имеют под собой российской правовой основы.

Определение «национальной безопасности», изложенное в Стратегии не является правовой нормой, поскольку данный документ представляет собой лишь «официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу»¹⁵⁸. Несмотря на то, что Стратегия национальной безопасности утверждена Указом Президента Российской Федерации, силы закона она не имеет. Все это существенно снижает

---

¹⁵⁸ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // URL: www.scrf.gov.ru/documents/99.html – официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации.

нормативный статус, как самой Стратегии, так и положений, изложенных в ней. В этом плане, очевидно, что для правовой институализации самого понятия «национальная безопасность» необходимо принятие федерального закона – «О национальной безопасности», на основе которого и необходимо разрабатывать соответствующие стратегии и концепции. При этом новый закон должен носить конституционный характер. Его предметом должны стать, прежде всего, вопросы защиты общенациональных, общефедеральных интересов в сфере обеспечения защищенности граждан, общества и государства от угроз и вызовов, в том числе военного характера.

Именно так в свое время поступили в США, закон о национальной безопасности в стране был принят еще в 1947 году. В Российской Федерации, восприняв американскую традицию доктринального закрепления военно-стратегических взглядов, равно как и сам термин «национальная безопасность», тем не менее, не придается данным документам соответствующего нормативного правового статуса. Результатом этого является непрекращающиеся научно-теоретические дискуссии о сущности и содержании национальной безопасности, в то время как настоятельной потребностью является осмысление и определение приоритетных направлений государственной политики по ее обеспечению.¹⁵⁹

Очевидна потребность в нормативном определении понятия «национальная оборона». Данный термин, впервые появившийся в Стратегии национальной безопасности и развитый в последующем в Военной доктрине так же заимствован из американской традиции стратегического планирования и так же, как и национальная безопасность, не имеет своего правового статуса в отечественной политической практике. Более того, в отличие от национальной безопасности, в указанных документах понятию «национальная оборона» не дается даже терминологического определения. В Стратегии речь идет о стратегических целях совершенствования национальной

---

¹⁵⁹ См.: Варламов В.Ю. Каким быть закону о национальной безопасности? //Право и безопасность. – 2004. – № 1.

обороны, принципах ее обеспечения, направлениях государственной политики в этой области и т.д., но не о том, что же она из себя представляет. Нет определения национальной обороны и в Военной доктрине. Более того, в Доктрине сам термин «национальная оборона» вообще не используется, вместо него в данном документе говорится об «обороне», при этом содержание этого термина также не расшифровывается. В данном случае, очевидно, априори предполагается соотнесение указанного термина с положениями статьи 1 Федерального закона «Об обороне». В данной статье определено, что «под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее границ».¹⁶⁰

Таким образом, можно предположить, что термин «оборона» в российском законодательстве все же определен и, соответственно, имеет правовой статус. Но ведь в Стратегии национальной безопасности речь идет не об обороне, а о национальной обороне, что на наш взгляд далеко не одно и то же. Если же эти понятия, по мнению разработчиков Стратегии и Военной доктрины, тождественны, то очевидно необходимо об этом заявить. Пока же в настоящее время имеет место рассогласованность основополагающих терминов в важнейших документах стратегического планирования. Что в значительной мере снижает их значимость в восприятии и формировании основных направлений военной политики государства.

Нельзя не отметить и другой уязвимый элемент рассматриваемых документов. В частности, речь идет о недостаточной конкретизации их основных положений. Так, например, в Военной доктрине, являющейся одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации, основной акцент в разделе «Военное планирование» сделан на военном строительстве, а не на возможном применении Вооруженных Сил в современных войнах и

---

¹⁶⁰ См.: Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» (с изменениями от 2003, 2004, 2005 и 2009 гг.).

вооруженных конфликтах. При этом в статье 37 Военной доктрины определено, что военное планирование осуществляется в соответствии с Положением о военном планировании в Российской Федерации, которое в свою очередь является скорее методическим руководством, а не документом военно-стратегического характера.

Отсутствуют в названных документах, также критерии оценки реального состояния военной безопасности России. Предложенные в Стратегии (ст. 112 «Основные характеристики состояния национальной безопасности») оценочные показатели – «уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники» и «уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами» – позволяют судить об эффективности некоторых аспектов модернизации Вооруженных Сил России, но не дают возможности оценить степень готовности вооруженных сил и их способности выполнять задачи по обеспечению национальной безопасности государства.

Представляется, что ни Стратегия, ни Военная доктрина не дают ответы на такие важнейшие вопросы стратегического планирования:

- каков возможный характер военных конфликтов будущего и сценарии участия в них России;
- какие государства являются потенциальными противниками, а какие союзниками;
- в чем сущность новых способов и форм применения группировок Вооруженных Сил;
- каковы современные особенности организации взаимодействия всех элементов военной организации государства для парирования нетрадиционных угроз национальной безопасности;
- какие негосударственные субъекты международных отношений могут обладать потенциалом вооруженного насилия и т.д.

Все это в комплексе позволяет говорить о том, что вопросы военно-стратегического планирования фактически не получили своего должного доктринального закрепления. И в этом, по нашему мне-

нию, главное отличие отечественных документов от зарубежных военно-стратегических концепций и доктрин.

Причиной этого, как представляется, является традиционно ведомственный подход к разработке важнейших доктринальных документов, укоренившийся в политической практике России в последние десятилетия. Поэтому чрезвычайно важные вопросы в документах были отражены с максимальной осторожностью, без необходимых в таких случаях конкретизации и пояснений. А это, в свою очередь, ведет к неполноте изложения военно-теоретических взглядов и ответов на жизненно важные для безопасности страны вопросы: к каким войнам следует готовиться России и какие у нее должны быть вооруженные силы.

Другой немаловажной причиной недостатков современных концептуально-доктринальных документов является наметившийся особенно в последние годы существенный разрыв между военной теорией и практикой. По мнению авторов, теория и практика военной политики в России сегодня не являются взаимосвязанными и взаимодополняющими. А это значит, что и сама военная политика государства не является в полном смысле научно обоснованной и понятной для общества. Что в свою очередь существенно снижает поддержку этой политики со стороны как общества, так и военных ученых, теоретиков и экспертов.

Нельзя не согласиться с некоторыми отечественными исследователями, в частности, с В. Сизовым, и относительно того, что главной проблемой военной политики России на современном этапе следует считать не нехватку финансовых ресурсов на военную реформу и даже не крайне низкий престиж военной службы, а отсутствие единого подхода к пониманию места и роли военной политики (военной составляющей) в жизни страны.¹⁶¹ Результатом является то, что военная политика не является инструментом устойчивого развития страны. Об этом свидетельствует и содержание концептуальных документов по военной политике.¹⁶²

---

¹⁶¹ См.: Сизов В.Ю. Указ. соч.

¹⁶² См.: там же.

Кардинальные изменения военно-политической ситуации в мире, а также интенсификация военно-теоретических разработок и их закрепление в документах военного планирования ведущих государств мирового сообщества предопределяют необходимость адекватного восприятия российским военно-политическим руководством и военно-научным сообществом происходящих перемен в военной сфере и выработки на этой основе необходимых мер по обеспечению военной безопасности государства. Прежде всего, это касается необходимости разработки соответствующих концептуально-доктринальных документов, определяющих приоритетные направления современной военной политики России.

В целях исправления ошибок и устранения причин отставания России в военно-теоретической сфере, а также недостатков в методологии и практике военного строительства, требуется принятие неотложных мер. Представляется, что такого рода меры должны быть комплексными, системными и охватывать своим воздействием различные субъекты отечественной научной школы, военной науки и практики, государственного и военного управления, а также негосударственные субъекты, деятельность которых связана с разрешением теоретических и прикладных проблем обеспечения национальной безопасности, в первую очередь в военной сфере.

По мнению авторов, деятельность указанных субъектов в той или иной организационно-правовой архитектуре должна осуществляться так, чтобы обеспечить, с одной стороны, разработку и закрепление современных военно-теоретических взглядов на войну в концептуально-доктринальных документах Российской Федерации, а с другой стороны, – реализацию научно обоснованной методологии военного строительства, строительства и развития вооруженных сил, других войск и воинских формирований.

Представляется, что деятельность по реализации современных военно-теоретических взглядов на войну в концептуально-доктринальных документах и в практике военного строительства в

Российской Федерации должна охватывать, по меньшей мере, следующие основные направления:

- мониторинг эволюции современных концепций войн и военных конфликтов во взаимосвязи с результатами военного строительства и применения вооруженных сил;

- разработка отечественной наукой военно-теоретических взглядов и концепций, отражающих эволюцию форм и способов вооруженного противоборства, достижение целей и задач войны, формы победы и поражения противоборствующих сторон с учетом результатов анализа мирового опыта и тенденций развития зарубежной военной мысли;

- совершенствование стратегического и военного планирования, усиление координации и повышение эффективности деятельности органов государственной власти и военного управления в области военного строительства, планирования, подготовки страны к войне и военным конфликтам на основе закрепления современных военно-теоретических взглядов в документах военного планирования;

- оптимизация политических и организационно-правовых механизмов разработки, корректировки и внедрения в практику военного строительства положений о войне и военных конфликтах, оценке опасностей, угроз и рисков в военной сфере, способах и средствах вооруженной борьбы, содержащихся в концептуально-доктринальных документах;

- разработка прогнозных вариантов военного строительства и обеспечения военной безопасности государства с учетом итогов реализации комплекса мер по практическому решению вопросов обеспечения военной безопасности государства в среднесрочной (до 2015 года), долгосрочной (до 2030 года) и стратегической (до 2050 года) перспективе.

Такая логика разрешения важной научно-теоретической и организационной проблемы, о которой ведется речь, обусловлена целым рядом обстоятельств объективного и субъективного характера.

Вместе с тем одной из основных и важнейших причин рефлексивного характера российского военного строительства на современном этапе является то, что в силу объективных обстоятельств военно-политическое руководство страны с запозданием приступило к масштабной военной реформе, направленной на преобразование вооруженных сил «советского образца». В значительной мере поспешность и недостатки при проведении радикальных преобразований национальных Вооруженных Сил в рамках формирования, так называемого, «нового облика», предопределило именно данное обстоятельство.

Примечательно, что в противовес официальным докладам о состоянии дел с проведением военной реформы, целый ряд аналитиков считает, что результаты первого этапа реформы Вооруженных Сил не способствовали повышению уровня военной безопасности государства.¹⁶³

Отметим, что коренные изменения затронули все сферы жизнедеятельности вооруженных сил, в том числе военно-научную. Это касается как системы подготовки военных кадров, так и функционирования научно-исследовательских центров. Так в частности, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2008 года № 1951-р были определены основные направления оптимизации сети военных образовательных учреждений Минобороны России. В соответствии с данным распоряжением в системе военного образования формируются военные учебно-научные центры по видам Вооруженных Сил.

Военный учебно-научный центр Сухопутный войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (г. Москва) – путем реорганизации в форме присоединения к этой академии 12 военных училищ (институтов) Сухопутных войск, расположенных по всей территории России;

---

¹⁶³ О завершении первой военной реформы было заявлено руководством Генерального штаба ВС РФ 1 декабря 2009 года. См.: Генштаб РФ: первый этап военной реформы в целом успешно завершён // www.newsru.com/russia/01dec2009/reforma.html

Военный учебный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Москва, пос. Монино) – путем реорганизации в форме присоединения к академии 6 военных училищ (институтов) Военно-воздушных сил;

Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (г. Санкт-Петербург) – путем реорганизации в форме присоединения к академии 5 военных училищ (институтов), Высших специальных офицерских классов ВМФ и 3 научно-исследовательских институтов.

В соответствии с замыслом реформирования системы военного образования, данные центры создаются в целях повышения эффективности и качества образовательного процесса, рационального использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов для подготовки специалистов и проведения научных исследований по приоритетным направлениям развития военной науки, вооружения и военной техники. Помимо этого предполагается реорганизация ряда других военно-учебных заведений. Таким образом, сеть вузов будет включать: 3 военных учебно-научных центра, 11 военных академий и два военных университета. Результаты реформирования системы военного образования, по замыслу руководства Минобороны России, должны изменить не только сеть военно-учебных заведений, но и существенно расширить их возможности по предоставлению образовательных услуг.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2009 года № 82 было утверждено «Типовое положение о военном образовательном учреждении». В соответствии с данным положением в военном вузе осуществляется не только подготовка офицеров с высшим профессиональным образованием, научно-педагогических и научных кадров высшей квалификации для федеральных органов, но и профессиональная переподготовка и повышение квалификации военнослужащих и гражданского персо-

нала. При этом в Постановлении отмечено, что, как и ранее, военные вузы могут создаваться в виде военной академии, военного университета или военного института. Предусмотрена возможность создания на базе военной академии или военного университета военного учебно-научного центра для подготовки специалистов и проведения научных исследований по приоритетным направлениям военной науки. Также Постановлением предусмотрено, что в военных вузах осуществляется подготовка как по профессиональным образовательным программам (начального, среднего, высшего, послевузовского и дополнительного профобразования), так и по программам общего образования. Программы высшего профобразования реализуются по уровням: бакалавриат, подготовка специалистов, магистратура. Может также проводиться подготовка граждан по военно-учетным специальностям солдат, матросов, сержантов и старшин.

Все это, по мнению бывшего до ноября 2012 года руководства Министерства обороны Российской Федерации, позволит максимально использовать потенциал военно-учебных заведений, как для воспроизводства кадрового потенциала Вооруженных Сил, так и для решения социальных проблем военнослужащих и членов их семей.

Вместе с тем реализация Программы по реформированию системы военного образования в Российской Федерации далеко неоднозначно воспринимается научным и экспертным сообществом России.

Основными направлениями критики являются:

- поспешность в реализации оптимизации сети военно-учебных заведений военных;
- неочевидность достижения планируемых результатов реформы;
- ее ведомственный подход;
- отсутствие необходимой для проведения реформы нормативно-правовой базы и некоторые другие.

В июне 2009 года в адрес Президента Российской Федерации и Председателя Правительства Российской Федерации был направ-

лен доклад заместителя Председателя Комитета Государственной Думы по обороне М.В. Бабича, в котором была дана негативная оценка проводимым в Вооруженных Силах преобразованиях. При этом, как считает М.В. Бабич, одной из наиболее значимых проблем данных преобразований является отсутствие необходимой нормативно правовой базы. Следует отметить, что в 2010 году закончился срок реализации основного нормативно-правового акта – Федеральной программы «Реформирование системы военного образования в Российской Федерации на период до 2010 года». Каких-либо других правовых актов федерального уровня, регламентирующих дальнейший ход преобразований системы военного образования, в настоящее время нет. Вследствие этого сам процесс преобразований принимает ведомственный характер, что недопустимо для такой жизненно важной сферы национальной безопасности страны, как подготовка военных кадров.

По нашему мнению, неочевидность достижения планируемых результатов реформы, в частности, вызвана недостаточной экспертно-аналитической проработанностью возможных последствий крупномасштабной реформы, что отчетливо видно на примере передислокации военно-учебных заведений из столичных и областных центров в другие населенные пункты.

Так, например, опыт перевода в 2005 году из Москвы в Кострому Военной академии радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ), свидетельствует о том, что из 25 докторов наук, работавших в нём на момент передислокации, ни один не переехал в Кострому, а из 187 кандидатов наук – только 21. Это означает, что в процессе передислокации был существенно снижен научно-педагогический потенциал Академии, что, безусловно, отразилось на качестве подготовки специалистов. Очевидно, что аналогичные результаты будут иметь место в процессе передислокации и остальных вузов, в том числе высокотехнологичных (таких как ВА РВСН). По некоторым оценкам, в ходе передислокации столичных военных ВУЗов, 90-95% профессорско-преподавательского

состава откажутся перебираться в другие города на новое место работы. А это означает, что уровень преподавания в этих вузах будет существенно снижен и, таким образом, реформа военного образования не приведет к намеченным результатам. Напротив, она в этом случае может нанести ему ущерб, устранять который в последующем придется на протяжении десятилетий.

Помимо этого, необоснованным, по мнению аналитиков, является также сосредоточение всех вузов в центрально-европейской части России. Ни одного военного вуза (в том числе и военноморского) по итогам передислокации не планируется оставить в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Таким образом, офицеры для продолжения службы в этих округах будут готовиться виртуально, без знания специфики соответствующих ТВД. В условиях же повышения значения АТР и обострения конкуренции за доступ к его ресурсам, в том числе дальневосточным и сибирским, данное обстоятельство может существенно снизить боеготовность Вооруженных Сил Российской Федерации по защите национальных интересов на этих направлениях.

Имеет место и ряд других недостаточно проработанных аспектов, вызывающих сомнения в эффективности реализуемых мер по реформированию системы военного образования так и подготовки военно-научных кадров. Все это, безусловно, отражается соответствующим образом на характере и содержании важнейших концептуально-доктринальных документов в области военного планирования.

Таким образом, решение вопросов повышения эффективности концептуально-доктринального закрепления военно-теоретических взглядов на современном этапе непосредственным образом связаны с ходом реформирования военной науки и подготовки военных кадров.

В целом результаты исследований отечественных ученых показывают, что с учетом современного состояния российского общества и армии разработка и реализация военно-теоретических

взглядов в концептуально-доктринальных документах Российской Федерации и практике отечественного военного строительства выступает в качестве приоритетного направления обеспечения военной безопасности российского государства.

В данной связи в целях оптимизации военного строительства и в интересах обеспечения обороноспособности страны авторы полагают возможным высказать ряд принципиальных выводов и предложений научно-теоретического характера.

1. Концептуально-доктринальное закрепление военно-теоретических взглядов на войну и военные конфликты, формы и способы вооруженной борьбы выступает общемировой тенденцией, проявляющейся в содержании и эволюции военной политики, практике военного строительства, строительстве и развитии компонентов военной организации государства и вооруженных сил в ведущих государствах мира. Данное обстоятельство обусловлено кардинальным изменением ситуации в мире и стремлением ряда государств обеспечить свою ведущую роль в международных отношениях, а также потребностями формирования структур обеспечения национальной безопасности, способных адекватно реагировать на угрозы и вызовы военного характера.

2. Исследования результатов военного строительства и реформирования вооруженных сил в США и Китае, государствах-членах НАТО, а также в Российской Федерации свидетельствуют, что изменение общего характера войн и вооруженных конфликтов начала XXI века, возрастающая эффективность средств вооруженной борьбы предопределяют изменения в формах, способах и содержании применения вооруженных сил. При этом характерной чертой и общемировой тенденцией современного военного строительства становится то, что изменения в составе и структуре вооруженных сил США и НАТО выступают факторами, стимулирующими мировой интерес к концепциям войны и военных конфликтов, разработанным американскими военными специалистами, а также основной причиной разработки и реализации схо-

жих моделей реформирования и развития вооруженных сил в других государствах.

3. Результаты анализа отечественных концептуально-доктринальных документов (Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Военной доктрины Российской Федерации 2010 года), определяющих основные направления военной политики России на кратко-, средне-, и долгосрочную перспективу свидетельствуют о необходимости их дальнейшего развития, уточнения и конкретизации в целях обеспечения военной безопасности государства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В целом изучение эволюции и современного содержания военно-теоретических взглядов на природу и сущность войны, а также наиболее значимых факторов, определяющих современную специфику формирования концепций в области применения военной силы, направлений совершенствования концептуально-доктринального планирования и формирования научно обоснованной методологии военного строительства, развития Вооруженных Сил Российской Федерации позволяет сделать ряд теоретических и практических выводов.

Существующие в настоящее время определения сущности войны, а также ее основных проявлений характеризуются многоплановостью и неоднозначностью восприятия этого одного из наиболее распространенных явлений мировой политической практики. Несмотря на широкий спектр определений войны, ее определяющим признаком является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет сущность войны в точном смысле этого слова.

Таким образом, по мнению авторов, война выступает как двухстороннее вооруженное столкновение антагонистических противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее человеческие жертвы и потери. Данное определение, на наш взгляд, в наибольшей степени отражает сущность данного явления, отражающего специфику отношений различных субъектов

в процессе использования ими средств вооруженного насилия. В такой трактовке, как представляется, преодолеваются трудности, связанные с разграничением вооруженных стычек, столкновений и схваток между отдельными лицами или группами людей, с одной стороны, и войной, – с другой.

Как показывают результаты анализа эволюции военно-политической практики основные формы и средства войны постоянно находятся в постоянной динамике. При этом специфику современных войн и вооруженных конфликтов определяют такие их особенности, как рост масштабов и интенсивности применения средств вооруженного насилия; качественное изменение самих средств ведения войны (ядерное оружие, высокоточное оружие); локализация применения средств вооруженной борьбы, сокращение времени подготовки, развязывания и ведения войн и т.д.

Немаловажным фактором, определяющим специфику современных войн, явилась институализация новых политических акторов – наднациональных и региональных образований в лице межгосударственных экономических, политических и военных блоков, а также транснациональных экономических и финансовых корпораций; непризнанные мировым сообществом государства; народы и территории, борющиеся за самоопределение; организованная в национальном и международном масштабе преступность и др.

Тем не менее, несмотря на произошедшие изменения в формах и способах войн и вооруженных конфликтов, а также характере их потенциальных участников, основная сущность войны, как продолжения политики насильственными средствами, остается неизменной или инвариантной. Более того, в современных условиях политическое в содержании войн значительно усилилось за счет их выхода на более высокий транснациональный, глобальный уровень.

Изменения, произошедшие в содержании войн и вооруженных конфликтов, непосредственно оказали влияние на развитие военно-теоретических взглядов и подходов, на оценку современных военно-политических процессов в целом. Важнейшим следствием

этого стала активизация разработки и применения на практике новых концепций войн и вооруженных конфликтов и применение их основных положений на практике.

Авторы полагают необходимым подчеркнуть, что одним из актуальных направлений развития военно-теоретической мысли как за рубежом, так и в России становится прогнозирование развития форм вооруженного противоборства в ближайшей и стратегической перспективе.

Развитие военно-теоретических концепций, а также практическая апробация их положений в практике военного строительства, в ходе применения военной силы в ряде регионов мира, становятся основой для доктринального закрепления наиболее значимых военно-теоретических взглядов в документах военно-политического планирования ведущих государств мирового сообщества, планах и программах военного строительства ведущих государств мира.

Наиболее последовательно и целенаправленно вопросы закрепления военно-теоретических взглядов решаются в Соединенных Штатах Америки, их союзников по НАТО, а также в Китае, где не только реализуются масштабные проекты в области военного строительства, но и на практике апробируются новые формы и способы ведения вооруженной борьбы, создаются новые образцы вооружений и систем управления. Помимо этого в практике зарубежного военного строительства все шире используются модели противоборств, предполагающие комплексное использование дипломатических, экономических, информационных и иных средств воздействия.

В Российской Федерации в последние годы были приняты важнейшие документы, содержащие основы стратегического планирования, определяющие состояние и перспективы военно-политической ситуации в мире, военной безопасности страны, а также перспективные направления военного строительства.

При всей значимости данных документов, очевидно, что ряд положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, и Военной доктрины Российской Федерации

нуждаются в конкретизации, поскольку они не отвечают на ряд жизненно важных вопросов, затрагивающих интересы и безопасность страны, прежде всего, касающихся оценки характера и содержания войн и вооруженных конфликтов, в которых возможно будет участвовать Российская Федерация.

Важнейшие документы военно-политического планирования предполагают необходимость их постоянной актуализации на основе тщательного научного анализа с привлечением широкого круга военных ученых и независимых экспертов. В корректировке нуждаются и проводимые в настоящее время преобразования в Вооруженных Силах, как ядре военной организации России в интересах приведения их в соответствие с целями и задачами обеспечения военной и национальной безопасности государства.

По мнению авторов, нуждаются в дальнейшей разработке научно-теоретические и прикладные проблемы определения природы и сущности войны, их проявления в современном мировом политическом процессе, эволюции форм и средств вооруженного противоборства, соотношения военно-силовых и дипломатических, экономических информационных и иных видов противоборства.

Важнейшим условием эффективного решения задач в сфере военно-доктринального закрепления современных военно-теоретических взглядов в интересах обеспечения военной безопасности России является систематический мониторинг развития военно-политической ситуации в мире, международного положения Российской Федерации, угроз и вызовов ее безопасности, оперативного реагирования на них.

Для обеспечения военно-доктринального закрепления современных военно-теоретических взглядов целесообразно усилить аналитическую составляющую деятельности военно-политического руководства, в целях формирования условий, при которых было бы возможно реагировать на угрозы военной безопасности уже на стадии их возникновения, а не тогда когда они приобретают критический характер.

Практическую реализацию это могло бы найти в формировании под эгидой Совета Безопасности стратегической сетевой структуры, которая могла бы консолидировать интеллектуальную элиту страны, ведущих военных теоретиков, специалистов и экспертов для решения самых важных военно-стратегических задач, стоящих перед государством

В основу системы мер по повышению эффективности в области военного планирования должен быть положен системный мониторинг развития военно-политической ситуации в мире и выработка на этой основе комплекса мер по нейтрализации угроз и вызовов национальной безопасности государства.

С этой целью авторы полагают необходимым восстановить в Военной академии Генерального штаба практику подготовки и переподготовки руководящего состава федеральных органов исполнительной власти по программе «Национальная безопасность»; повысить военно-теоретическую подготовку руководящего состава Вооруженных Сил для чего восстановить практику проведения ежегодных оперативно-стратегических сборов с участием высшего военно-политического руководства страны, в ходе которых обеспечить выработку решений по обеспечению военной безопасности государства с учетом складывающихся военно-политических реалий, угроз и вызовов национальной безопасности России; в учебные планы и программы высших военных учебных заведений ввести курсы «Современные концепции войн».

Необходимо повысить роль и статус военно-научных центров, которые должны стать координаторами всей военно-научной работы в Вооруженных Силах от училища (института) до Генерального штаба.

В основе подготовки исходных данных для документов военного планирования должны стать регулярные военно-научные конференции с привлечением ведущих отечественных военных теоретиков.

Критически важное значение приобретает разработка и реализация комплекса мер по практическому решению вопросов обеспе-

чения военной безопасности государства в ближайшей (до 2015 года) и среднесрочной (до 2020 года) перспективе.

Сильным и эффективным государством Российская Федерация может быть только при условии обеспечения полноценной военной безопасности, своевременного исключения или нейтрализации угроз и вызовов, формирующихся в современном мире. Важнейшим условием эффективного решения вопросов в данной области является осознание высшим военно-политическим руководством страны чрезвычайной значимости системы обеспечения военной безопасности.

Крайне важным в этой связи становится разработка и принятие закона «О национальной безопасности», который, по мнению авторов, должен носить конституционный характер. Его предметом должны стать, прежде всего, вопросы обеспечения военной безопасности государства как основы реализации общенациональных интересов.

Более высоким правовым статусом и обязательностью для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами должны быть наделены Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина. С этой целью необходимо внести соответствующие изменения в утверждающие их указы Президента Российской Федерации.

Настоятельной потребностью является разработка программы комплексного обеспечения военной безопасности России, которая отразила бы широкую систему военно-теоретических взглядов и практических мер, направленных на предотвращение, снижение уровня и ликвидацию потенциальных военных угроз.

В интересах ее реализации представляется необходимым.

Во-первых, осуществлять постоянный мониторинг реализации и научное сопровождение концептуально-доктринальных документов (Стратегии национальной безопасности, Военной доктрины и т.д.) с тем, чтобы генерировать научно обоснованные, понятные обществу и необходимые государству взгляды, концепции, идеоло-

гические установки, модели деятельности в сфере военной безопасности.

Во-вторых, усовершенствовать систему военного управления с тем, чтобы она стала эффективной, сочетала в себе координирующие и управленческие функции, исключала принятие и реализацию непрофессиональных волюнтаристских решений.

В-третьих, настоятельной потребностью управления процессами военного строительства является руководство в практической деятельности такими императивами, как: правовое закрепление его основных направлений на основе научной оценки военно-политической обстановки, формулирования наиболее вероятных военно-политических угроз; совершенствование системы государственного и военного управления.

Изложенное выше позволяет констатировать, что проблемы исследования эволюции и современного содержания военно-теоретических взглядов на природу и сущность войны, а также наиболее значимых факторов, определяющих современную специфику формирования концепций в области применения военной силы, направлений совершенствования концептуально-доктринального планирования представляют собой важнейшие условия обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации. Для ее комплексного и системного решения нужна консолидация усилий органов государственной власти Российской Федерации и научного сообщества, военных экспертов и теоретиков в интересах разработки актуализированных и наполненных конкретным содержанием программных документов – руководства к действию по обеспечению национальной безопасности государства.

В заключение отметим, что в настоящем издании представлен лишь авторский взгляд на научные проблемы природы и сущности войны, эволюции и современного содержания концепций войны и военных конфликтов, который является лишь определенным рубежом, предполагающим дальнейшее изучение и осмысление проблем обеспечения национальной безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава 1.</i> Война как явление и ее отражение в научно-теоретических исследованиях	5
<i>Глава 2.</i> Инвариантная сущность войны и ее интерпретации современными мыслителями	37
<i>Глава 3.</i> Реализация военно-теоретических взглядов на войну в современных концепциях и в практике военного строительства за рубежом	3
<i>Глава 4.</i> Реформирование российских вооруженных сил: особенности теории и практики национального военного строительства	115
Послесловие	137